

XI. Гибель республиканской Греціи.

Передъ самымъ началомъ союзнической войны афиняне встрѣтились впервые съ врагомъ необычайно искуснымъ и настойчивымъ; это былъ воцарившійся въ 359 году 23-лѣтній царь Македоніи Филиппъ.

Уловія возвышенія Македоніи. Двѣ большія области сѣверо-восточной части Балканскаго полуострова, Фракія и Македонія, общими размѣрами своими значительно превышаютъ территорію городской Греціи. Ихъ полудикое воинственное населеніе долго не представляло опасности для грековъ, будучи отрѣзано отъ моря греческими же колоніями, расположенными по всему извилистому сѣверному побережью, отъ Термейскаго залива, т.-е. угла, гдѣ сходятся Эссалія и Македонія, и до восточной оконечности Фракіи у Босфора и Чернаго моря. Колонисты вывозили нужные имъ продукты изъ гористыхъ материковыхъ мѣстностей, въ особенности строевой лѣсъ, кожи и мѣха, пользовались богатствами рудниковъ, но старались не вводить въ эту торговлю самихъ македонскихъ и фракійскихъ варваровъ: дороги оставались въ первобытномъ состояніи, среди туземнаго населенія не было класса купцовъ, никто не устраивалъ складовъ и запасовъ продовольствія. Вслѣдствіе этого фракійскіе и македонскіе вожди въ V вѣкѣ не могли организовать никакого большого предпріятія. Очень характерны происшествія 429 года среди осложненій большой Пелопоннесской войны. Союзникъ Аѳинъ, фракійскій царь Ситалкъ, нагналъ огромную кучу своихъ вассаловъ къ Халкидикѣ противъ македонскаго царя, поддерживавшаго мятежныя халкидскія общины; сначала эта чуть ли не полторастатысячная орда вызвала жестокую панику на всемъ побережьѣ; но до настоящей дѣли похода, до нападенія на Македонію, дѣло такъ и не дошло; тучи фракійцевъ, быстро налетѣвшія подобно саранчѣ, также быстро разсѣялись, потому что имъ нечѣмъ было кормиться, а продовольственное дѣло совсѣмъ не было устроено въ арміи Ситалка.

Однако греки сами выпустили изъ рукъ все свои выгоды на сѣверѣ, когда съ образованіемъ аѳинской державы между крупными об-

щинами возникли жестокие антагонизмы. Особенно выиграла от греческих междоусобий Македония, расположенная на самом пороге европейской Греции. Царь Пердикка II с большим вниманием слѣдилъ за борьбой Аѳинъ съ мятежными общинами Халкидики; онъ становился то на сторону недовольныхъ подданныхъ державы, совѣтовалъ имъ объединиться, то на сторону Аѳинъ, обѣщая свое содѣйствіе противъ возстанія ¹. Его преемникъ Архелай также очень интересовался греческими отношеніями: придвинулъ свой дворъ поближе къ морю, перенесъ резиденцію изъ Эги въ Пеллу, почти на выходѣ рѣки Лудія, охотно принималъ греческихъ эмигрантовъ, звалъ къ себѣ художниковъ и ученыхъ, между прочимъ увлекъ Эврипида, разочаровавшись подъ конецъ жизни въ Аѳинахъ ². Но очень большого результата эти два македонянина не достигли. Вслѣдъ за вытѣсеніемъ Аѳинъ съ Халкидики произошло объединеніе общинъ полуострова съ Олинеомъ во главѣ, и Македонія опять увидала себя отрѣзанной отъ моря. Споры греческихъ общинъ снова помогли Македоніи выдвинуться; во исполненіе условій Анталкидова мира Спарта разгромила халкидскій союзъ и подорвала силу Олинеа. Аѳины привѣтствовали ослабленіе Олинеа, тѣмъ болѣе, что со времени похода Брасида у нихъ не остывало желаніе захватить Амфиполь, расположенный на выходѣ большой еракійской рѣки Стримона близъ Пангейскихъ рудниковъ. Однако, разстроивъ мѣстную организацію греческихъ колонистовъ, двѣ большія общины метрополи не приобрѣли сами опорныхъ пунктовъ на македонскомъ и еракійскомъ берегахъ. Это выгодное положеніе вещей и заставило царя Филиппа.

Въ данной книгѣ нѣтъ мѣста исторіи македонянъ. Намъ важно только намѣтить, чѣмъ оказалась Македонія для европейскихъ грековъ, въ какомъ смыслѣ натискъ полуварварской монархіи довершилъ социальныя и политическія перемѣны европейской Греціи, знаменовавшія конецъ автономной республиканской жизни.

Общій характеръ македонскаго государства. Македоняне считались греческимъ племенемъ, а цари македонскіе выводили себя отъ той самой линіи Гераклидовъ, къ которой принадлежали цари Аргоса. Когда обладаніе Греціей сдѣлалось важнѣйшей дѣлюю македонской политики, цари постарались скрѣпить міоологическія нити, связывавшія ихъ съ греками; Филиппъ предпринялъ даже особый археологическій визитъ въ Аргось. Но по существу связи Македоніи съ Греціей не имѣютъ почти никакой цѣны, весь строй жизни сѣверно-балканской народности очень далекъ отъ республиканской городской Греціи, далекъ, пожалуй, настолько же, какъ и восточная держава персовъ. Въ свою очередь македоняне во многомъ напоминаютъ персовъ. Вся ихъ исторія

проходитъ въ тѣсной связи съ персидской; сначала они состоятъ у персовъ въ подчиненіи, потомъ стараются усердно имъ подражать, наконецъ, поднимаются, чтобы вытѣснить и замѣнить персовъ на востокѣ. Въ политико-географическомъ смыслѣ македонская большая держава—естественное продолженіе персидской: македоняне и персы расположены на двухъ окраинахъ длиннаго плоскогорія, которое тянется отъ Индійскаго океана до Адриатики, прерываясь только узкимъ проливомъ Геллеспонта и Босфора; сначала всю группу земель, прилегающихъ къ этому плоскогорію, объединили персы, потомъ съ противоположнаго конца ту же задачу пытались осуществить македоняне; въ томъ и другомъ случаѣ важнымъ средствомъ объединенія служили культурныя и техническія силы грековъ и, наконецъ, самъ человѣческій матеріалъ Греціи.

Македонія долго составляла группу почти независимыхъ другъ отъ друга сенерій; всюду имѣлся многочисленный военный классъ, опиравшійся на работу зависимыхъ крестьянъ. Царь былъ окруженъ большой дружиной (*ἑταῖροι*); ея товарищескія традиціи долго сохранялись потому, съ превращеніемъ Македоніи въ имперію, несмотря на всѣ усилія вождей окружить себя блескомъ восточнаго божественнаго ореола. Въ извѣстныхъ случаяхъ *ἑταῖροι* составляли корпоративное собраніе, и оно выступало, напр., въ качествѣ высшаго военнаго суда. Еще во время походовъ Александра есть *σύλλογος τῶν ἑταίρων*, который въ значительной мѣрѣ связываетъ царя; и даже потомъ у его преемниковъ на востокѣ имѣется *συνέδριον τῶν φίλων*. Конная служба благородныхъ воиновъ вознаграждалась, какъ въ средневѣковой Европѣ, выдачей земельныхъ леновъ. Македонская аристократія обладала обширными имѣніями. Греческій историкъ Теопомпъ, современникъ царя Филиппа, сдѣлалъ статистическое вычисленіе, въ силу котораго оказывается, что у 800 дружинниковъ царскихъ земли было больше, чѣмъ у 10.000 грековъ изъ наиболѣе зажиточнаго класса. Возможно, что въ Македоніи получился избытокъ мелкаго военнаго люда, для котораго не хватало надѣловъ, и что наличность его послужила толчкомъ къ завоеваніямъ, при чемъ цари разсчитывали на приобрѣтеніе новыхъ территорій для устройства леновъ.

Нигдѣ въ Македоніи нѣтъ ничего похожаго на типичныя для Греціи формы народныхъ собраній, выборныхъ должностей, подлежащихъ публичному контролю, и вообще тѣхъ учреждений, которыя тѣсно связаны съ бытомъ автономныхъ городовъ. Главный городъ Македоніи, Пелла, далекъ отъ характера греческихъ городовъ и болѣе всего напоминаетъ Сузу, какъ мѣстопробываніе двора и дружины. По своимъ нравамъ Македонія стояла очень далеко отъ гуманной (*φιλόανθρωπος*)

республиканской Греціи. Македонскіе цари, въ томъ числѣ Филиппъ и Александръ, были многоженцы. Дикія попойки обоихъ завоевателей въ кругу «друзей» производили на грековъ отталкивающее впечатлѣніе. Ни одно воцареніе не обходилось безъ кровавой расправы и истребленія большей части родственниковъ новаго царя. Объединитель Греціи, Филиппъ, проявлялъ всюду неслыханную до тѣхъ поръ жестокость, жегъ и разрушалъ завоеванные города, вырѣзывалъ массы плѣнныхъ.

Вмѣшательство Македоніи въ греческія дѣла. Царь Филиппъ выступилъ въ моментъ, очень выгодный для Македоніи. Сосѣдняя Тессалія была объята пожаромъ общаго междоусобія, открывавшимъ удобный случай для появленія посторонней силы. Двѣ крупнѣйшія общины Средней Греціи, Фивы и Аѣины, основательно перессорились между собою и готовы были обратиться къ чужой помощи, чтобы рѣшить свои взаимные счеты. Притомъ Аѣины, единственная сила, имѣвшая авторитетъ въ Эгейскомъ морѣ, затянулись въ тяжелую войну съ союзниками, которая занимала весь флотъ республики.

Филиппъ направилъ свое вниманіе сначала на ближайшій къ Македоніи Халкидскій полуостровъ и области около устья Стримона и Пангейской горы. Самымъ значительнымъ городомъ здѣсь былъ Олинеъ, несмотря на разгромъ 380 года. Филиппъ воспользовался рознью Олинеа и Аѣинъ и провелъ свои планы путемъ одиночныхъ соглашеній съ той и другой общиной. Не трудно было замѣтить, что греческіе города тяготеютъ самостоятельнымъ веденіемъ войны при посредствѣ наемныхъ отрядовъ и охотно предоставляютъ варварскимъ князьямъ за деньги воевать въ ихъ пользу. Македонскій царь попробовалъ такой способъ дѣйствій сначала съ Аѣинами, потомъ съ Олинеомъ и всякій разъ съ большой выгодой для себя. Въ отношеніи къ аѣинянамъ предложенія его состояли въ томъ, что онъ завоюетъ для нихъ Амфиполь, если они согласятся ему предоставить Пидну. Такъ какъ аѣинскій флотъ былъ цѣликомъ занятъ въ восточной части Эгейскаго моря, Филиппу удалось взять и удержать за собой оба важные города, лежащіе у двухъ заливовъ, которые омывають съ запада и востока Халкидскій полуостровъ. Раздраженные этимъ, аѣиняне объявили Филиппу войну, но попрежнему остались неспособны къ какимъ-либо активнымъ дѣйствіямъ на халкидскихъ и ѳракійскихъ берегахъ. Они были даже настолько непредусмотрительны, что отвергли соглашеніе съ Олинеомъ. Филиппъ въ свою очередь предложилъ Олинеу свою дружбу, завоевалъ для него Потидею, принадлежавшую Аѣинамъ, а самъ добился свободнаго прохода во ѳракію. Здѣсь онъ занялъ рядъ новыхъ приморскихъ пунктовъ, Абдеру и Маронію, и у подножія Пангейской горы основалъ новый городъ Филиппи (353 г.). ѳракійскіе лѣса доставили ему матеріалъ для

постройки флота. Выстроенные Филиппомъ корабли были не военные и не торговые, а разбойничьи, главнымъ же ихъ занятіемъ сдѣлались нападенія на аѳинскія торговыя суда.

Очень важнымъ приобрѣтеніемъ Филиппа былъ захватъ пангейскихъ рудниковъ, сдѣлавшій Македонію первой финансовой силой Греціи. Въ свою очередь македонскій царь поднялъ производительность рудниковъ на небывалую до тѣхъ поръ высоту, направивши на разработку ихъ массы зависимыхъ людей, которыя онъ захватывалъ въ грабительскихъ походахъ противъ своихъ дикихъ сосѣдей. При помощи усиленной добычи золота Филиппъ реформировалъ македонскую монетную систему: онъ ввелъ золотую валюту, и его золотые статеры, филиппеи, скоро получили ходъ въ греческихъ областяхъ. Они стали вытѣснять знаменитые персидскіе дарейки, до тѣхъ поръ всюду распространенные въ Греціи. Благодаря этому, македонскій царь получилъ возможность играть ту финансовую роль въ греческомъ мірѣ, которая въ первой половинѣ IV вѣка принадлежала царю персидскому. Для того, чтобы получить доступъ къ рынку греческихъ военныхъ наемниковъ, Филиппъ сталъ дѣлать то же, что раньше персидскій царь, т. е. подкупать правящія въ греческихъ городахъ группы пенсіями и субсидіями³. Большія денежные средства дали Филиппу возможность воспользоваться всѣми крупными военными изобрѣтеніями IV вѣка. Онъ завелъ осадную артиллерию въ стилѣ Діонисія сиракузскаго, вооружилъ фалангу длинными копьями Ификратовыхъ пелтастовъ и сталъ примѣнять тактику натиска глубокимъ строемъ пѣхоты, составлявшую секретъ успѣховъ Эпаминонда.

Среди усложненій войны на сѣверѣ открылось междуусобіе въ Средней Греціи, которое доставило Филиппу новыя выгоды. Эвванцы требовали отъ своихъ вассаловъ, фокидянъ, большого штрафа за отказъ идти въ Пелопоннесъ; подкупленный Эвами совѣтъ амфиктіоновъ въ Дельфахъ утвердилъ штрафъ своимъ религіознымъ авторитетомъ и поручилъ эванцамъ и ессалійцамъ взыскать съ фокидянъ установленную сумму. Въ этомъ безвыходномъ положеніи фокидянамъ осталось только захватить сокровища Дельфійскаго храма; они вооружились и набрали большое количество наемниковъ. Началась «священная война» (356 г.).

Собственно говоря, для того времени терминъ этотъ звучалъ лицемѣріемъ. Храмовыя сокровища давно уже забирались на военныя дужды, и примѣръ тому показали аѳиняне, вынужшіе во время Пелопоннеской войны всѣ вклады, которыми обладала богиня-покровительница города. Въ очень широкомъ размѣрѣ воспользовались храмовымъ золотомъ Олимпійскія аркадяне во время походовъ Эпаминонда въ Пелопоннесъ, и при-

томъ съ одобренія тѣхъ же оиванцевъ, которые теперь жестоко осуждали фокидянъ за поступокъ, совершенно равносильный. Захватъ фокидянами Дельфійской казны отличался, пожалуй, только тѣмъ отъ предшествующихъ секуляризацій, что далъ возможность на короткій срокъ выдвинуться области, очень бѣдной и третъестепенной по значенію. До тѣхъ поръ въ Греціи никогда еще не появлялось такого крупнаго наемническаго войска. Никогда такъ быстро не мобилизовались богатства, получившіяся отъ благочестивыхъ вкладовъ; солдаты спускали легко доставшееся золото, часто въ непосредственномъ видѣ драгоцѣнностей, и въ Тессаліи множество людей стали щеголять въ украшеніяхъ, добытыхъ изъ Дельфійской ризницы.

Фокидяне сначала имѣли успѣхъ, побивая и тессалійцевъ, и оиванцевъ; аѣниныне стали на ихъ сторону и прислали эскадру, которая крейсировала у Термопилъ, не позволяя врагамъ Фокиды запереть проходъ и обезпечивая фокидянамъ свободное движеніе въ Тессалію. Тогда оиванцы обратились къ помощи Филиппа. Македонскій царь вступилъ съ большимъ войскомъ въ Тессалію и разбилъ фокидянъ въ рѣшительномъ сраженіи близъ морского берега: 3.000 захваченныхъ въ плѣнъ «святотатцевъ» онъ велѣлъ бросить въ море, а тѣло убитаго ихъ вождя Ономарха пригвоздить ко кресту. Затѣмъ Филиппъ захватилъ Феры и гавань этого города у Пагасейскаго залива. Но когда онъ попытался пройти черезъ Термопилы въ Среднюю Грецію, аѣнская эскадра высадила десантъ и загородила проходъ (352). Македонскій царь ограничился оккупацией Тессаліи.

Возникновеніе македонской партіи въ Аѣнахъ. Аѣныне могли бы оказать фокидянамъ болѣе существенную помощь, такъ какъ ихъ силы освободились по заключеніи мира съ союзниками, а между тѣмъ дѣлошло объ утвержденіи Филиппа у южнаго выхода Тессаліи, совѣмъ близко къ линіи постоянныхъ сношеній Аѣнъ и къ зависимой отъ нихъ Эвбей. Колеблющаяся и непослѣдовательная внѣшняя политика Аѣнъ объясняется установившимися къ этому времени внутренними отношеніями. Подъ конецъ союзнической войны, какъ мы видѣли, одержала верхъ консервативная партія, и съ 355 года начинается финансовое управленіе ея талантливаго вождя Эмбула, продолжавшееся до 339 года. Эмбулъ былъ человекъ безусловно честный и неподкупный и пользовался огромнымъ довѣріемъ въ Аѣнахъ; его специальностью было веденіе процессовъ по утайкамъ и финансовымъ злоупотребленіямъ, гдѣ онъ неизмѣнно выступалъ въ качествѣ стража и охранителя общественныхъ суммъ. Очень угодный имущимъ классамъ, которыхъ онъ избавлялъ отъ прямыхъ налоговъ, Эмбулъ обезпечилъ своей финансовой политикой прочную поддержку массы системой усиленныхъ раздачъ. Но

именно благодаря этому значительная часть бюджета была забронирована, и расходы на войну терпели ущербъ. Демосъ, удовлетворенный, не требовалъ энергичнаго веденія далекихъ предпріятій. Война свелась къ высылкѣ флотилій, къ мелкимъ незначачимъ дѣйствіямъ. Единственной важной операціей было закрытіе Фермопилъ, но она осталась безъ продолженія.

Постепенно вокругъ Эвбула начинаетъ собираться группа, составившая потомъ македонскую партію въ Аѳинахъ. Въ дѣли ея входило не столько веденіе борьбы съ Филиппомъ, сколько заключеніе съ нимъ выгоднаго соглашенія для того, чтобы открыть аѳинской торговлѣ доступъ въ Македонію. Среди слагавшейся партіи скоро выдѣлился Эсхинъ, который началъ карьеру свою въ качествѣ секретаря у Эвбула и своимъ блестящимъ ораторскимъ талантомъ составлялъ потомъ серьезный противовѣсъ Демосѳену. У эвбуловцевъ имѣлся и военный дѣятель: это былъ Фокіонъ, второе изданіе Никія, настоящій типъ медлителя и организатора отступленій, проповѣдникъ сокращенія военныхъ задачъ, ликвидаціи державной политики и сближенія съ большой военной силой, сложившейся на сѣверѣ. Всѣ эти дѣятели, финансистъ, ораторъ и стратегъ, при своихъ симпатіяхъ къ Македоніи, должны были, однако, силою вещей принять наслѣдство войны съ нею; отсюда колебанія между продолженіемъ старой политики и противодѣйствіемъ ей.

Филиппъ извлекъ всѣ возможные выгоды изъ вялости и противорѣчій политики своего главнаго врага. Слѣдомъ за оккупаціей Тессалии онъ двинулся на востокъ и принялся систематически тѣснить Олинонь, который остался изолированной греческой общиной на сѣверномъ берегу Эгейскаго моря.

Первыя политическія выступленія Демосѳена. Ко времени оракійскихъ операцій Филиппа въ 351 году относится начало политической дѣятельности Демосѳена (род. въ 384 г.), будущаго вождя и организатора антимакедонской партіи. Демосѳенъ, сынъ богатаго оружейника, рано осиротѣвшій и обманутый своими опекунами, долженъ былъ пробивать себѣ дорогу личнымъ талантомъ и трудомъ. Едва достигнувъ совершеннолѣтія, онъ приобрѣлъ большую извѣстность защитой своего иска къ опекунамъ о возвращеніи растроченнаго наслѣдства; онъ зарабатывалъ потомъ много своими адвокатскими рѣчами въ частныхъ процессахъ въ качествѣ *συνήγορος*, т.-е. защитника (аѳинская практика IV вѣка стала допускать такихъ адвокатовъ въ помощь истцу или подсудимому, тогда какъ въ V вѣкѣ защищаться приходилось всякому лично). Демосѳенъ рано почувствовалъ влеченіе къ политической аренѣ, и въ этомъ отношеніи онъ—настоящій сынъ демократическихъ Аѳинъ.

Сохранилось воспоминаніе изъ его отроческихъ лѣтъ, какъ онъ настойчиво, страстно стремился попасть на знаменитый (первый) процессъ Каллистрата, чтобы послушать великаго мастера публичной рѣчи, какъ при содѣйствіи друзей юношѣ удалось проникнуть въ судъ и какъ, совершенно очарованный искусствомъ оратора, онъ твердо рѣшилъ отдаться политической карьерѣ ⁴. Враги Демосѣена любили смѣяться надъ его неспособностью къ свободной импровизаціи, противопоставляли ему, въ качествѣ оратора божьей милостью, развязнаго и никогда не смущавшагося Демада, иронизировали, что рѣчь его «отдаетъ масломъ ночной лампы», т. е. слишкомъ кропотливо выработана и подготовлена. Демосѣень, правда, подолгу и усердно готовился къ своимъ рѣчамъ, но не потому только, что долженъ былъ побѣждать природныя недостатки; его трудъ связанъ былъ съ изученіемъ технической стороны всякаго дѣла; во всѣхъ финансовыхъ и военно-административныхъ вопросахъ онъ всегда оказывался превосходно освѣдомленнымъ. Въ его рѣчахъ горячій патріотизмъ, сильный подъемъ республиканскихъ чувствъ соединяется съ неизмѣнной основательностью практическихъ предложеній, продуманныхъ во всѣхъ подробностяхъ. Демосѣень представлялъ собою еще одну славную традицію аѳинскаго политическаго гения: въ его глазахъ демократія—закономѣрная форма правленія, наиболѣе близкая къ политическому идеалу, и онъ умѣлъ выразить это юридическое сознаніе въ простыхъ и благородныхъ терминахъ. Какъ бы въ видѣ отвѣта высокообразной интеллигенціи, противопологавшей народу «порядочныхъ людей» (*καλοὶ καγαθοί*), Демосѣень выдвигалъ «красоту народолубія» (*καλῶς καὶ δημοτικῶς*—говоритъ онъ объ идеяхъ одного изъ своихъ предшественниковъ) ⁵.

Въ рѣчи, которую традиція назвала первой филиппикой, Демосѣень рѣзко выговариваетъ народу его безпечность, его привычку къ праздному любопытству и его увѣренность, что дѣла устроятся сами собою. Такое поведеніе немислимо передъ лицомъ врага, подобнаго Филиппу, искуснаго и неотступнаго. Демосѣень указывалъ на крайнюю важность халкидскаго театра войны; по его мнѣнію, во Фракіи должно постоянно находиться аѳинское войско, четверть котораго обязательно набирается изъ аѳинскихъ гражданъ; служба гражданъ представлялась оратору самымъ существеннымъ политическимъ условіемъ: они должны составить какъ бы корпусъ непрерывнаго надзора за наемниками.

Когда Филиппъ плотнѣе надвинулся на Олинѣ, Демосѣень удвоилъ свои усилія: въ знаменитыхъ олинскихъ рѣчахъ онъ настаиваетъ на необходимости энергической борьбы съ Филиппомъ въ Халкидикѣ. Демосѣень заявляетъ себя великимъ поклонникомъ прежней державной мощи Аѳинъ; родной городъ представляется ему опорой греческой сво-

боды, естественнымъ союзникомъ и другомъ всѣхъ демократій. Филиппъ—большая сила; но въ его положеніи есть серьезныя опасности; его власть построена на обманѣ и клятвопреступленіяхъ; въ Македоніи много недовольныхъ, а пресловутая его дружина—компанія развратниковъ. Какъ всегда у Демосеена, и въ олинескихъ рѣчахъ, дѣловая сторона освѣщена великолѣпно. Экспедиція на помощь Олинеу невозможна безъ рѣшительной реформы аѳинскихъ финансовъ; ораторъ нападаетъ на эвбуловскій бюджетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ на укоренившійся въ Аѳинахъ предразсудокъ жертвовать всѣмъ ради отчисленій въ праздничную кассу; безъ сомнѣнія, граждане имѣютъ право на полученія изъ общественныхъ суммъ, но въ критическое время *θεωρικὰ* должны быть превращены въ *στρατιωτικὰ*, иначе конецъ политическому значенію Аѳинъ. Изъ той постановки, которую даетъ вопросу Демосеень, видно, что Эвбулъ загородилъ кассу *θεωρικὸν* гарантіей неприкосновеннаго конституціоннаго закона; позднѣйшій толкователь рѣчей Демосеена увѣряетъ, что за предложеніе отмѣны театральной выдачи грозила смертная казнь. Какъ бы то ни было, Демосеень долженъ былъ дѣйствовать съ особенной осторожностью; онъ предлагалъ образовать специальную законодательную комиссію для выработки проекта реформы праздничной кассы и примѣненія ея на военныя нужды.

Олинескія рѣчи создали большую популярность Демосеену. Правящая партія вынуждена была сдѣлать уступки оппозиціи: въ Халкидику одну за другой отправили три экспедиціи. Но помощь была недостаточна, часть десанта отозвали для операцій на ближней къ Аѳинамъ Эвбей, и Олинеу спасти не удалось. Филиппъ сначала изолировалъ городъ, привлекая подкупомъ на свою сторону рядъ сосѣднихъ съ нимъ мелкихъ общинъ, наконецъ, взявъ самый Олинеу измѣной одного изъ его стратеговъ. Олинеу подвергся разрушенію, его населеніе было вырѣзано или продано въ рабство (348 г.). Халкидика перешла въ руки Македоніи, и Филиппъ приобрѣлъ господство надъ всѣмъ сѣвернымъ берегомъ Эгейскаго моря, отъ Херсонеса и до Малійскаго залива у *Θερμοπύλης*. Эти успѣхи македонскаго царя были не только грозны сами по себѣ; они развязывали ему руки для дѣйствій на двухъ крайнихъ фронтахъ, очень важныхъ для Аѳинъ; въ священной войнѣ у *Θερμοπύλης* прохода и на Херсонесѣ у Геллеспонта, гдѣ находились укрѣпленныя позиціи Аѳинъ, охранявшія пути торговли съ Черноморьемъ.

Заключеніе мира между Аѳинами и Филиппомъ. Въ виду этихъ трудныхъ обстоятельствъ между аѳинскими партіями состоялось соглашеніе, и всѣ рѣшили добиваться мира съ Филиппомъ. Мотивы были, вѣроятно, очень различны: группа Эвбула стремилась къ возобновле-

нню мирной торговли у еракійскихъ и македонскихъ береговъ; Демосѳенъ и его друзья спѣшили спасти послѣднія владѣнія Аѳинъ; передъ ними, можетъ быть, носилась мысль воспользоваться замиреніемъ для того, чтобы организовать потомъ широкій общегреческій военный союзъ противъ Македоніи. Такъ или иначе, по предложенію эвбуловца Филократа, состоялось избраніе коалиціоннаго посольства, въ которомъ, кромѣ инициатора, участвовали Эсхинъ и Демосѳенъ (346 г.).

Исторія такъ назыв. Филократова мира составляетъ какъ бы первый актъ трагедіи погибающей аѳинской республики. Въ ходѣ переговоровъ, очень продолжительныхъ, рѣзко выступаетъ неравенство въ положеніи сторонъ. У македонскаго царя все ведется въ замкнутой придворной обстановкѣ, гдѣ аѳинскіе послы не имѣли возможности наблюдать враждебную страну, въ закулисныхъ бесѣдахъ, которыя позволяли Филиппу оказывать воздѣйствіе на болѣе податливыхъ делегатовъ, въ свою очередь удаленныхъ отъ народнаго контроля; въ Аѳинахъ— открыто и громко, въ шумныхъ дебатахъ, среди которыхъ македонянамъ не трудно было, уловляя оттѣнки общественнаго мнѣнія аѳинской публики, учесть силу и слабость партій и получить весь нужный матеріалъ для дальнѣйшихъ своихъ интригъ.

Аѳинскій народъ довѣрилъ свои интересы комиссіи 10, отправившейся въ Пеллу, а между тѣмъ здѣсь состоялось первое сближеніе Филиппа съ эвбуловской партіей. Филократъ увезъ изъ Македоніи богатые подарки царя, возможно, что подкупленъ былъ Филиппомъ и Эсхинъ, разсыпавшійся по возвращеніи въ похвалахъ любезности и великодушію македонскаго царя. Аѳинская миссія привезла весьма неопредѣленные предложенія Филиппа, а послѣ нея вскорѣ прибыли въ Аѳины македонскіе послы, Антипатръ и Парменіонъ, для заключенія окончательнаго договора; они имѣли, напротивъ, очень твердыя инструкторскія, а провести требованія Филиппа передъ лицомъ самолюбиваго и чувствительнаго къ своему достоинству демоса взялись вновь приобретенные аѳинскіе друзья царя ⁶.

Въ Аѳинахъ по старому обычаю крупныя вопросы дипломатіи должны были подвергнуться всенародному обсужденію. Въ собраніяхъ присутствовали и принимали участіе македонскіе послы. Демосѳенъ предложилъ раздѣлить программу дѣла между двумя собраніями эkkлeсiи. Въ первомъ былъ доложенъ проектъ совѣта, согласный съ предложеніемъ Филократа: миръ устанавливается на основѣ наличныхъ владѣній (ἡ ἔχουσι). Оппозиція тотчасъ же выдвинула неприемлемые пункты: отказъ Аѳинъ отъ Амфиполя и устраненіе изъ мирнаго договора фокидянъ, которыхъ аѳиняне поддерживали за все время священнои войны. Ораторы, враждебные правящей партіи, между ними Демосѳенъ, на-

ставали на томъ, что съ принятіемъ этихъ условій миръ становится позоромъ для Аѳинъ. Въмѣсто формулы $\xi\ \chi\upsilon\sigma\iota$, по ихъ мнѣнію, должна быть принята другая: $\tau\grave{\alpha}\ \epsilon\chi\upsilon\tau\acute{\omicron}\upsilon$, т.-е. обѣ стороны получаютъ то, что онѣ считаютъ своими законными владѣніями. Наиболѣе радикальные изъ оппозиціонныхъ ораторовъ заявляли, что лучше война до послѣдней крайности, указывали на Пронилей, какъ знакъ былой славы, напоминали про Саламинъ, заклинали гражданъ могилами предковъ.

Большинство собранія, повидимому, склонялось на сторону оппозиціи. Но на другой день настроеніе переменилось. Македонскіе послы заявили, что они не имѣютъ полномочія измѣнить пунктъ относительно фокидянъ. Филократъ и его партія поспѣшили увѣрить народъ, что въ этой формальности нѣтъ нужды, такъ какъ у царя самыя лучшія намѣренія, и что онъ не замедлитъ исполнить желанія аѳинянъ. Затѣмъ Эсихъ нарисовалъ всѣ ужасы войны, которая должна будетъ разразиться при неуступчивости аѳинянъ, а Эвбулъ въ заключеніе поставилъ рѣзкую альтернативу: «или идите въ Пирей (т.-е. на корабли), платите прямые налоги, обращайтесь театральныя деньги на военныя нужды, или соглашайтесь на мирныя условія, которые вамъ предлагаютъ». Въ этой обстановкѣ, похожей на разыгранную пьесу съ распредѣленіемъ ролей между македонянами и ихъ аѳинскими сторонниками, былъ принятъ договоръ; оставалось еще закрѣпить его присягой царя, т.-е. отправить для ратификаціи въ Пеллу.

Филиппъ превосходно воспользовался проволочками дѣла. Не дожидаясь аѳинскихъ пословъ, онъ напалъ на союзника Аѳинъ, еракійскаго царя Керсоблента, во владѣніяхъ котораго находились крѣпости, занятыя аѳинянами для охраны Геллеспонта. Демосфенъ настаивалъ на скорѣйшемъ отправленіи второго посольства, чтобы Филиппъ до скрѣпленія договора не успѣлъ сдѣлать новыхъ завоеваній; притомъ онъ требовалъ, чтобы послы ѣхали прямо во Еракію, на мѣсто военныхъ дѣйствій. Его коллеги, напротивъ, намѣренно тянули дѣло, наконецъ, отправились въ Пеллу; здѣсь они стали дожидаться возвращенія Филиппа изъ его еракійскаго похода. Послѣдствія не замедлили сказаться. Филиппъ заставилъ Керсоблента капитулировать и занялъ важныя крѣпости на еракійскомъ берегу; о выдачѣ ихъ назадъ при скрѣпленіи договора онъ не хотѣлъ и слышать. Затѣмъ аѳинскіе делегаты, находясь въ Пеллѣ, могли наблюдать, какъ собиралось большое македонское войско для похода на Термопилы.

Первые успѣхи Филиппа въ Средней Греціи. Вождь фокидскихъ наемниковъ, Фалекъ, лишенный поддержки аѳинской эскадры, истощивъ денежныя средства, захваченныя въ свое время въ Дельфахъ, вынужденъ былъ теперь сдаться Филиппу и уйти со своими наемниками.

Македонскій царь прошелъ Ѳермопилы и прочно занялъ входы въ Среднюю Грецію своими отрядами.

Священная война была окончена. Къ лицемѣрнымъ мотивамъ ея прибавилось теперь злоупотребленіе религиознымъ авторитетомъ стариннаго собранія амфиктіоновъ, призваннаго беречь божій миръ и обращеннаго въ жестокое судилище. Ѳессалійцы и ѳиванцы, одолѣвшіе Фокиду при помощи Филиппа, отдали ему два голоса въ амфиктіоніи, отнятые у фокидянъ; затѣмъ въ новомъ составѣ съ участіемъ Филиппа собраніе амфиктіоновъ выключило изъ союза Спарту за поддержку фокидянъ и отняло у Аѳинъ право преимущественнаго опроса Пифійской предсказательницы. Предсѣдательство на пифійскихъ играхъ было отдано Филиппу. Далѣе слѣдовали чисто-политическія постановленія, неслыханныя вообще въ практикѣ амфиктіоніи и немислимые раньше при томъ равновѣсіи силъ, которое болѣе или менѣе существовало въ Греціи. Три города Беотіи, Орхомень, Коронея, Корсіи, которые стояли за фокидянъ, были отданы въ полное распоряженіе ѳиванцевъ: амфиктіоны отдали приказъ сломать ихъ стѣны и продать гражданъ въ рабство. Сами «святотатцы» фокидяне были наказаны съ жестокостью безпримѣрной. Всѣ города Фокиды осуждались на полное разрушеніе; жителей принудили расселиться по маленькимъ деревнямъ, не болѣе 50 домовъ въ каждой. Имъ запрещалось употребленіе лошадей и оружія; они превращались въ своего рода крѣпостныхъ храма, осужденные на уплату тяжелаго налога въ счетъ захваченнаго ими Дельфійскаго сокровища. Когда нѣсколько лѣтъ спустя Дельфы посѣтилъ Демосеенъ, онъ увидалъ въ Фокидѣ картину раздирательнаго бѣдствія, сломанные дома, разрушенныя стѣны, отсутствіе здоровыхъ мужчинъ; встрѣчались только старики, женщины и дѣти въ жалкихъ лохмотьяхъ ⁷. Очень характерно, что это новое международное право, свирѣпостью превосходившее самыя злыя рѣшенія прежнихъ побѣдителей, вошло въ жизнь вмѣстѣ съ появленіемъ македонянъ на почвѣ Греціи.

Манифестъ македонской партіи въ Аѳинахъ съ призывомъ къ великой восточной войнѣ. Заключеніе мира съ Филиппомъ повело къ рѣзкому раздѣленію партій въ Аѳинахъ и въ остальной Греціи; теперь все яснѣе стали опредѣляться интересы, дѣлавшіе людей противниками и сторонниками Македоніи. Между тѣмъ, какъ первые нашли себѣ блестящую защиту и благородныя формы выраженія въ рѣчахъ Демосеена, вторые своеобразно идеализированы въ брошюрѣ почти 90-лѣтняго Исократы, появившейся въ свѣтъ какъ разъ въ моментъ заключенія Филократова мира.

Статья Исократы написана въ видѣ открытаго письма къ Филиппу. Она повторяетъ общую идею «Панегиріка», составленнаго почти за

35 лѣтъ до того; надо предпринять большой національный походъ на востокъ для разрушенія персидскаго господства. Но авторъ считаетъ данный моментъ гораздо болѣе благоприятнымъ для этой цѣли. Тогда въ 380 г. персидская держава стояла прочно и даже царь предписывалъ грекамъ свою волю; теперь громадное государство совершенно распатано отдѣленіемъ Египта, возстаніями на Кипрѣ, въ Финикіи и въ другихъ областяхъ; съ другой стороны, у грековъ теперь естественный вождь въ лицѣ македонскаго царя, находящійся въ условіяхъ исключительно благоприятныхъ; онъ стоитъ выше партій, выше враждующихъ общинъ; онъ какъ бы призванъ примирить крупнѣйшія силы Греціи, Аѳины, Спарту, Фивы и Аргосъ, которыя иначе не могутъ между собою столкнуться. Затѣмъ слѣдуютъ необычайно лестные комплименты македонскому царю: какъ потомокъ величайшаго національнаго героя грековъ, Геракла, и прославленнаго основателя македонской монархіи, Карана (т.-е. владыки), онъ самой судьбой предназначенъ къ дѣлу національнаго объединенія Греціи и спасенія ея культуры. За неумѣренными похвалами властителю Македоніи Исократъ не забываетъ, однако, опредѣлить тѣ условія, при которыхъ республиканская Греція согласна будетъ подчиниться его гегемоніи. Съ греками надо обращаться мягко и гуманно. «Твой предокъ, грекъ по происхожденію, понималъ, что греки не переносятъ монархическаго образа правленія, а другіе народы, напротивъ, не могутъ обходиться безъ подчиненія династіи, и вотъ онъ установилъ свою единоличную власть надъ иноплеменниками, македонянами; но и эта монархія не похожа на деспотизмъ». Исократъ различаетъ ясно три культурныя градации, которыя должны будутъ остаться и послѣ завоеванія; онъ такъ выражаетъ міровую миссію македонскаго царя: «мое мнѣніе—ты долженъ принести пользу грекамъ, для македонянъ быть истиннымъ монархомъ, надъ варварами, какъ массой, численно преобладающей, быть повелителемъ. Если ты сдѣлаешь это, всѣ будутъ тебѣ обязаны величайшей благодарностью, греки за тѣ благодѣянія, которыя ты имъ окажешь, македоняне за то, что будешь надъ ними закономѣрнымъ государемъ, а не самодержцемъ (βασιλικῶς ἀλλὰ μὴ τυραννικῶς αὐτῶν ἐπιστατῆς), весь же остальной родъ человѣчскій за то, что, освободившись при твоей помощи отъ варварскаго деспотизма, люди будутъ осчастливлены эллинской культурой»⁸.

У Исократа—отчетливая военная и социальная программа и откровенно выражены весьма реальные мотивы. Завоеваніе не должно идти далѣе «естественныхъ границъ греческаго міра» (ὄρους τῆς τῶν Ἑλλήνων χώρας), а эти границы очерчены походами Геракла, побѣдившаго властителей береговъ на трехъ материкахъ и поставившаго въ видѣ пре-

дѣловъ такъ наз. Геракловы столбы. Великая задача македонскаго вождя будетъ исполнена, если онъ пріобрѣтетъ Малоазійскій полуостровъ до линіи, соединяющей Синопу съ Киликіей. Присоединенную область необходимо будетъ закрѣпить рядомъ вновь основанныхъ крѣпостей и военныхъ колоній, а матеріаломъ для ихъ заполнения послужатъ бродячіе элементы Греціи, которые сейчасъ лишены необходимаго пропитанія и разрушаютъ все, что имъ встрѣчается на пути.

Затѣмъ слѣдуютъ замѣчательныя слова, которыя сразу рисуютъ социальную физиогномію сторонниковъ Македоніи. «Если мы не остановимъ накопленія бродячихъ людей соотвѣтствующей организаціей, то незамѣтно число ихъ такъ возрастетъ, что они станутъ страшны грекамъ столько же, какъ и варварамъ. А мы продолжаемъ быть безпечны въ этомъ отношеніи и не замѣчаемъ, какъ растетъ страхъ и опасность для общества. Тебѣ, какъ человѣку возвышеннаго образа мыслей, эллинофилу (φιλέλλητος), и болѣе дальновидному, чѣмъ другіе, предстоитъ примѣнить эти массы людей противъ варваровъ, отнять территорію въ размѣрѣ, только что сказанномъ, извлечь скитальцевъ изъ бѣды, которую они сами терпятъ и которую причиняютъ другимъ, соединить ихъ въ колоніи и поставить ихъ на границѣ Греціи въ качествѣ защиты для насъ всѣхъ. Если ты сдѣлаешь это, то не только доставишь имъ благополучіе, но и насъ всѣхъ обеспечишь покоемъ»⁹.

Общее положеніе въ Греціи. Статья Исократъ превосходно освѣщаетъ социальное положеніе греческихъ общинъ ко времени водворенія Филиппа въ Дельфахъ. Независимо отъ подкупа, сильно работавшаго въ пользу македонскаго царя, значительныя группы греческаго общества тянулись къ его опецѣ добровольно. Вездѣ олигархіи, изъ страха передъ пролетаріатомъ вынужденныя нанимать отряды наемниковъ, дрожали передъ кондотьерами, которые въ свою очередь готовы были всегда захватить цитадель города и разыграть роль тиранновъ. Если мы вѣрно понимаемъ Исократъ, состоятельные классы греческаго общества испытывали желаніе избавиться отъ всѣхъ этихъ маленькихъ охранителей и замѣнить ихъ однимъ крупнымъ патрономъ, который воссоединитъ притомъ раздробленные контингенты наемниковъ и бродячихъ людей и уведетъ ихъ далеко отъ греческой родины, гдѣ спокойно заживутъ всѣ имущіе и порядочные люди. Греческая олигархія считала себя въ свою очередь полезной Филиппу, а потому льстила себя идиллическими надеждами на лобезность съ его стороны; греки вѣдь не какіе-нибудь варвары, имъ надо оставить автономію, съ ними должно быть мягкое обращеніе, т. е., иными словами, власть останется у высшихъ классовъ.

Македонскій царь прекрасно оцѣнилъ положеніе своихъ естественныхъ союзниковъ. Въ годы, слѣдующіе за Филократовымъ миромъ,

онъ неустанно вмѣшивается во все самые мелочные споры партій въ греческихъ общинахъ и неизмѣнно поддерживаетъ группы капиталистовъ противъ демократіи. Въ Пелопоннесѣ онъ подаетъ помощь элейской олигархіи и поощряетъ ее учинить кровавое побоище надъ своими противниками. Въ Эвбеѣ онъ оказываетъ услуги династическимъ семействамъ городовъ Эретрии и Ореоса; когда же демократы этихъ городовъ ушли въ сосѣдній Портмосъ и укрѣпились тамъ, Филиппъ прислалъ отрядъ, который взялъ Портмосъ и разрушилъ его стѣны; затѣмъ послѣдовали массовыя казни демократовъ. Демосеевъ однажды охарактеризовалъ всю эту компанію сторонниковъ Македоніи такими словами: «самые видные люди въ городахъ, удостоенные главныхъ общественныхъ должностей, оказались жалкими измѣнниками, продавшими свою собственную свободу, по своей охотѣ избравшими рабство, льстиво увѣрившими Филиппа въ своей дружбѣ и пѣжномъ расположеніи» 10. Интересно, что въ тѣхъ общинахъ, куда не могла достать рука македонскаго царя, на островахъ Хиосѣ, Косѣ, Родосѣ, олигархіи поддерживалъ тоже посторонній властитель, Идрій, сатрапъ Каріи.

Филиппъ наглядно показалъ своей политикой въ Фессаліи, что сѣверные варвары несутъ гибель греческимъ формамъ автономнаго управленія. Его призвали въ Фессалію олигархическія семейства, въ томъ числѣ старинный родъ Алевадовъ, который для спасенія отъ демократіи всегда обращался къ посторонней помощи. Послѣ окончанія священной войны Филиппъ, вознаграждая услуги своихъ союзниковъ, установилъ въ фессалійскихъ городахъ декадархіи, т. е. правленія замкнутыхъ комитетовъ изъ десяти лицъ, совершенно такія же, какія учреждалъ Лисандръ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе безцеремонно обращался онъ со своими вассалами. Въ Пагасахъ, гавани большого города Феръ, Филиппъ сталъ забирать таможенную пошлину. Когда по этому поводу въ самихъ Ферахъ поднялось недовольство противъ македонянъ, онъ рѣшилъ обратить Фессалію въ своего рода сатрапію на персидскій манеръ. Обширная страна была раздѣлена на тетрархіи, т. е. четыре намѣстничества; въ трехъ изъ нихъ были назначены намѣстниками представители дома Алевадовъ; аристократы древняго рода оказались вполне подходящими для новой бюрократической роли.

Паденіе автономіи и республиканизма въ Греціи стоитъ въ тѣсной связи съ уходомъ массы людей изъ метрополи въ качествѣ колонистовъ и военныхъ. Особенно много эмигрантовъ отвлекла Сицилія въ годы, слѣдующіе за Филократовымъ миромъ.

Возрожденіе республики въ Сициліи. Сильное движеніе колонистовъ на западъ зависѣло отъ своеобразныхъ настроеній Коринфеа, о внутренней жизни котораго мы, къ сожалѣнію, такъ мало знаемъ.

Этотъ городъ, создавшій столько колоній, всегда живо интересовался судьбой своихъ дочерей, и болѣе всего самой знаменитой изъ нихъ, Сиракузами. Въ симпатіяхъ Коринеа къ своимъ колоніямъ неизмѣнно замѣчается одна опредѣленная политическая черта, видимо, отвѣчавшая какому-то интимному направленію въ жизни метрополи. Коринѣеъ настойчиво поддерживалъ конституціонныя республиканскія партіи и былъ враждебенъ тиранніи. Въ 414—413 гг. Коринѣеъ помогъ сиракузской республикѣ въ ея борьбѣ противъ Аѣинъ; при выступленіи Діонисія, Коринѣеъ сталъ на сторону его-враговъ и рѣзко разошелся со Спартой, благоволившей тиранну. Новый случай помочь сиракузскимъ республиканцамъ открылся послѣ того, какъ наслѣдники Діонисія Старшаго, его сынъ Діонисій младшій, его зять Діонъ и другіе вожди военныхъ отрядовъ, перессорились между собою и наполнили Сицилію ужасами междоусобной войны и кровавыми расправами своихъ чужеземныхъ наемниковъ. Бѣда еще увеличилась отъ того, что въ гражданскія смуты вмѣшались карфагеняне, занявшіе своимъ флотомъ большую сиракузскую гавань. Коринѣеъ отправилъ въ Сиракузы все, что могъ, денежныя средства, корабли, греческіе отряды наемниковъ, нѣсколько офицеровъ и администраторовъ, между ними человекъ исключительной честности и стойкости—Тимолеона.

Исторія восьмилѣтняго (344—336) командованія и управленія Тимолеона въ Сициліи звучитъ какой-то прекрасной республиканской легендой, которую судьба точно нарочно помѣстила подъ угасающей зарей греческой свободы. Тимолеонъ, замѣчательный стратегъ быстро натиска и внезапныхъ нападеній, неизмѣнно счастливый во всѣхъ битвахъ, по общему убѣжденію, любимецъ боговъ, съ ничтожными силами проникъ въ Сицилію, сумѣлъ разбить тиранна Гикета, занимавшаго Сиракузы, и вынудить Діонисія II въ выдачѣ Ортигіи, неприступнаго замка тиранновъ, стоявшаго среди сиракузской гавани, послѣ чего сынъ страшнаго владыки Сициліи былъ отправленъ въ ссылку въ Коринѣеъ, гдѣ и жилъ на поученіе юношества, какъ живой образчикъ падшаго тиранна. Затѣмъ Тимолеонъ заставилъ карфагенянина Магона отступить со своимъ большимъ флотомъ отъ Сиракузъ и разбилъ въ большой битвѣ у рѣки Кримеса въ западной Сициліи крупную армію, вновь высаженную карфагенянами. Съ Карфагеномъ состоялось соглашеніе, и сферы вліянія пунійскаго и греческаго были вновь разграничены приблизительно по линіи, опредѣлившейся при Діонисіи. Тимолеонъ не ограничился внѣшними побѣдами въ пользу греческаго элемента на островѣ. Всюду въ сицилійскихъ городахъ онъ свергалъ тиранновъ и восстанавливалъ демократическія республики. Въ Сиракузахъ гражданство возвратилось къ демократической конституціи 410 года,

Но порѣдѣвшаго во время междоусобій, и появленіе мелкихъ самостоятельныхъ владѣльцовъ, лично хозяйничавшихъ на землѣ; надо еще прибавить, что новопоселенцы представляли колонизацію гражданскую въ отличіе отъ прежней военной, менѣе пригодной для интенсивной работы. При такомъ измѣненіи соціальной основы становится понятно возвращеніе республиканскаго строя въ сицилійскихъ общинахъ.

Объединеніе и обезлюдненіе Греціи. Тотъ же самый фактъ, если мы правильно его установили, освѣщаетъ хозяйственную картину европейской Греціи, которая доставила значительную часть поселенцевъ въ Сицилію. Колонисты, выселявшіеся на зовъ сиракузянъ, были у себя на родинѣ также, безъ сомнѣнія, деревенскими жителями; горожанъ едва ли удалось привлечь раздачей земли. Уходя изъ метрополи, они уступали мѣсто какой-то другой организаціи хозяйства и работы; ихъ удаленіе означало или гибель мелкихъ хозяйствъ, мелкихъ арендъ, или замѣну свободнаго труда рабскимъ, или вытѣсненіе интенсивной формы обработки болѣе грубыми видами хозяйства, напр., скотоводствомъ. Такъ или иначе, ихъ переселеніе было однимъ изъ симптомовъ объединенія греческой метрополи.

Другимъ знакомъ того же явленія былъ массовый уходъ грековъ на службу въ ряды персидскаго войска, а также на помощь сражавшимся противъ него мятежникамъ. Въ Египтѣ претендентъ Нектанебъ съ успѣхомъ отразилъ нападеніе царя Артаксеркса III Охоса, при чемъ главной защитой отдѣлившагося Египта были греческіе наемники подъ начальствомъ аоняннина Діофанта и спартаца Ламія. Въ свою очередь Охосъ одержалъ верхъ надъ инсургентами Кипра, при помощи греческихъ наемниковъ, которыхъ ему доставилъ карійскій властитель Идріей, преемникъ Мавсола, съ острововъ, отпавшихъ отъ морского аонскаго союза. Греки играли немалую роль также въ подавленіи финикійскаго возстанія. Нектанебъ прислалъ на помощь Сидону отрядъ греческихъ наемниковъ подъ начальствомъ родосца Ментора. Но вмѣсто того, чтобы защищать финикійскій городъ, Менторъ нашелъ болѣе выгоднымъ вступить въ соглашеніе съ персидскимъ царемъ и выдалъ ему городъ. Сидонцы, видя неминуемую бѣду и зная страшную мстительность Артаксеркса, уничтожили корабли, чтобы никто не могъ убѣжать, заперлись въ своихъ домахъ и зажгли ихъ; весь Сидонъ со своими сокровищами сгорѣлъ наподобіе громаднаго костра¹². Послѣ этого Менторъ вошелъ въ большое довѣріе къ царю. Онъ и еще персъ Багоасъ были поставлены во главѣ арміи, которую Артаксерксъ вновь направилъ на Египетъ. Цѣлый корпусъ ея, въ 10.000 человекъ, состоялъ изъ грековъ, присланныхъ малоазійскими городами, а, кромѣ того, Аргосомъ и Фивами; Аионы и Спарта отказались слѣдовать при-

машенію царя. Нектанебъ выставилъ еще большее количество греческихъ наемниковъ, но въ остальномъ его войско было слабѣе, и онъ долженъ былъ уйти на югъ въ Эоію. За великія услуги Менторъ былъ награжденъ 100 талантами, большой долей египетской добычи, а сверхъ всего онъ получилъ въ управленіе сатрапію малоазійскаго берега. Счастливый кондотьеръ, сдѣлавшись администраторомъ, продолжалъ свои обычные подвиги; онъ нанялъ вновь отрядъ греческихъ наемниковъ, нагрянулъ съ ними на богатаго владѣтеля Атарнея противъ Лесбоса, грека Гермія, и завладѣлъ его сокровищами.

Этотъ массовый уходъ мужчинъ въ самомъ крѣпкомъ возрастѣ означалъ сильный упадокъ заработковъ въ Греціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ еще ниже, еще безнадежнѣе падала производительность страны. Тѣ изъ наемниковъ, которые возвращались домой, уже не увеличивали капитала страны; они быстро проѣдали свои награды и, не имѣя охоты къ труду, обращались въ тѣхъ бродягъ, которые, по словамъ Исократы, такъ пугали имущіе классы Греціи.

Организація борьбы съ Македоніей. Если Филиппъ встрѣтилъ нѣкоторыя препятствія на пути своихъ усилій, если онъ не командовалъ надъ всею Греціей уже въ 345 году, то причиной было образованіе въ Аѣнахъ сильной антимакедонской партіи, а ея организація составляла въ значительной мѣрѣ дѣло Демосеена. Напряженно слѣдилъ ораторъ аѣнской оппозиціи за многочисленными частностями угрожающей политики Македоніи. Въ неравной борьбѣ, которую приходилось вести противъ македонскаго царя, онъ ясно сознавалъ недостатки своего положенія; лишенный военныхъ талантовъ, всего только политико-дипломатическій совѣтникъ полуразрушенной общины, къ которой едва можно было притянуть немногихъ слабыхъ союзниковъ, онъ имѣлъ дѣло съ вождемъ огромныхъ сосредоточенныхъ силъ, безусловно подчиненныхъ центру, съ дальновиднымъ политикомъ, который въ то же время былъ выдающимся стратегомъ. Въ этомъ труднѣйшемъ положеніи Демосеенъ сдѣлалъ все, что было въ человѣческихъ силахъ: неустанно отрывалъ глаза народу на происки сторонниковъ Македоніи, преслѣдовалъ ихъ процессами, въ большихъ рѣчахъ развивалъ широкіе планы борьбы, замѣчательные своей реальной опредѣленностью и дѣловитостью, сплочивалъ разрозненные элементы оппозиціи, проповѣдовалъ идею общегреческаго союза на защиту свободы и въ своихъ постоянныхъ поѣздкахъ, въ своей корреспонденціи, старался привлечь другія общины къ національно-демократическому дѣлу. Если согласится судить политика не по его усиліямъ, а по степени его изобрѣтательности, находчивости и напряженности энергіи, то Демосеенъ слѣдуетъ признавать однимъ изъ величайшихъ государственныхъ дѣятелей Греціи.

Что представляла собою среда, въ которой пришлось дѣйствовать Демосѳену? Въ своихъ рѣчахъ онъ постоянно возвращается къ характеристикѣ аѳинской публики. Судя по нимъ, аѳиняне далеко не тотъ народъ, о которомъ Фукидидъ сказалъ, что они ни себѣ, ни другимъ не даютъ покоя. Демосѳенъ приводитъ обидное мнѣніе своихъ противниковъ о политической распущенности и легкомыслии аѳинскаго народа, но въ глубинѣ души согласенъ съ нимъ: «демосъ—масса людей, не отвѣтственная за свои поступки и не заслуживающая довѣрія; она точно вѣтеръ на морѣ въ своихъ случайныхъ порывахъ; (въ собраніи) одинъ подойдетъ, другой уйдетъ, никому нѣтъ заботы объ общемъ дѣлѣ и никто о немъ не помнитъ»¹³. Самъ Демосѳенъ сравнилъ однажды аѳинянъ съ одержимыми морской болѣзью. Кажется, какъ будто у нихъ осталась только одна старая привычка—критиковать всѣ предложенія политическихъ вождей и всѣ дѣйствія военныхъ стратеговъ, но эта черта тоже выродилась, обратилась въ мелочную придирчивость и шумливость. Легко возбудимый, демосъ постоянно забываетъ изъ-за пустяковъ о существенномъ.

Безъ сомнѣнія, въ рѣчахъ Демосѳена много гнѣвнаго обличенія и злой сатиры, которая никогда не обходится безъ преувеличенія. Если бы данная Демосѳеномъ характеристика народа была буквально правдой, онъ самъ не могъ бы имѣть ни малѣйшаго успѣха въ Аѳинахъ. Въдѣ нѣтъ оратора, нѣтъ лектора безъ вдохновляющей его аудиторіи. А Демосѳенъ могъ гордиться тѣмъ, что онъ завоевалъ своей убѣжденной рѣчью множество новыхъ сторонниковъ, что республиканское настроеніе, померкшее было къ концу безнадежной первой войны съ Филиппомъ, вновь проснулось послѣ Филократова мира и завоевало широкіе круги аѳинскаго общества. Только при этомъ условіи Демосѳенъ могъ стать организаторомъ антимакедонской и вмѣстѣ съ тѣмъ демократической партіи, послѣдней въ аѳинской исторіи. Въ рядахъ этой партіи сошлись люди различныхъ профессій и темпераментовъ, консерваторы въ родѣ Ликурга, великаго поклонника спартанства, благочестиваго наслѣдника древняго жреческаго рода Этеобутадовъ, служившаго въ храмѣ аѳинскаго святого патрона Эрехоея, и радикалы, между которыми въ свою очередь имѣлись такія противоположности, какъ угловатый непримиримый Гегесиппъ, и блестящій свѣтскій адвокатъ, фривольный Гиперидъ, защитникъ и другъ гетеры Фрины. До отправки перваго посольства въ Пеллу въ 347 году Демосѳенъ и его единомышленники должны были исключительно ограничиваться оппозиціей. Со времени Филократова мира партія усиливается, преслѣдуетъ своихъ противниковъ процессами, завладѣваетъ направленіемъ внѣшней политики, доводитъ до разрыва съ Филиппомъ и въ моментъ рѣшительнаго столкно-

венія въ 339 году низвергаетъ Эвбула и другихъ сторонниковъ Македоніи.

Въ этомъ подъемѣ воинственности участвовали, конечно, матеріальныя интересы. Что касается высшихъ слоевъ гражданства, утвердившихся у власти съ 355 года, среди нихъ надо, вѣроятно, различить двѣ группы, которыя, соответственно географическимъ районамъ своихъ сношеній, держались дружбы или вражды къ Македоніи. Если македонская партія состояла преимущественно изъ промышленниковъ, судовладѣльцевъ и купцовъ, имѣвшихъ дѣло съ Халкидикой, Македоніей и Тессаліей, уже успѣвшихъ приладиться къ факту военного господства большой сѣверной державы, то противники ихъ набирались, надо думать, главнымъ образомъ, изъ круговъ, заинтересованныхъ торговлей съ Геллеспонтомъ и Черноморьемъ. Послѣднимъ было труднѣе отказаться отъ традицій державной политики Аѳинъ, тѣмъ болѣе, что расширение македонской монархіи въ сторону проливовъ составляло фактъ неожиданный, который вначалѣ почти нельзя было предполагать. Зато, когда послѣ Филократова мира у Филиппа развязались руки, и онъ началъ продвигаться по Тракіи къ Геллеспону, соответствующіе общественные слои Аѳинъ не могли не придти въ большое безпокойство, а, слѣд., быстро должна была вырасти ихъ воинственность. Демосѳену оставалось только организовать это возбужденіе въ систематическій отпоръ политикѣ Филиппа. Горячность агитаціи самого Демосѳена объясняется еще въ значительной мѣрѣ его происхожденіемъ изъ цеха оружейниковъ; съ уничтоженіемъ самостоятельности Аѳинъ этотъ промыселъ, остатокъ воинственной силы державы, долженъ былъ неминуемо придти въ упадокъ.

Однако не могло быть и рѣчи о возвратѣ прежнихъ настроеній даже въ томъ видѣ, какъ они сказались въ эпоху Конона и Эрасибула. Для этого не хватало самаго главнаго—увлеченія войной широкихъ круговъ гражданства: въ Атикѣ не было болѣе многочисленнаго гоплитства, привыкшаго чуть не каждый годъ выступать въ поле; не было и тѣхъ подвижныхъ оетовъ, которые въ V вѣкѣ проводили значительную часть жизни въ маневрахъ, въ воинственныхъ выѣздахъ. Послѣ Анталкидова мира въ Аѳинахъ не имѣлось постоянного военного флота. Эскадры, которыя приходилось организовать для военныхъ кампаній со времени образованія второго морского союза, составляли явленіе переходящее, а вмѣстѣ съ тѣмъ заполнялись преимущественно людьми наемной службы. Бѣдная часть гражданства не упражнялась въ морскомъ дѣлѣ и утрачивала постепенно охоту къ дальнимъ экспедиціямъ. Аѳиняне, обитавшіе, по словамъ автора статьи «о доходахъ», въ пупѣ земли, привыкли видѣть у себя массу пріѣзжихъ, а не отправляться къ

нимъ за тридѣять земель. Оратору партіи вооруженнаго сопротивленія надо было считаться съ этимъ измѣнившимся настроеніемъ массы народа.

Уже въ 345 году въ такъ наз. второй филиппикѣ, произнесенной по поводу пріѣзда въ Аѣины депутаціи отъ пелопоннесцевъ, Демосѣенъ ставитъ общій національно-политическій вопросъ во всей его широтѣ. Дѣло идетъ о самомъ дорогомъ достояніи греческаго народа, о его свободѣ; македонскій царь хочетъ завоевать и подчинить Грецію, а вовсе не установить въ ней справедливый миръ; Филиппъ хорошо понимаетъ, что аѣиняны нелзя взять ни выгодой, ни пріятностью обращенія, потому что по всѣмъ своимъ традиціямъ Аѣины не способны предать общее право греческаго міра; отсюда его усилія опрокинуть вліяніе аѣинскаго народа.

Борьба Демосѣеновской партіи противъ македонскаго давленія прежде всего выразилась въ рядѣ процессовъ, поднятыхъ демократическими вождями противъ друзей и вассаловъ Филиппа. Демосѣенъ поставилъ цѣлью вскрыть всю сѣть интригъ, сопровождавшихъ заключеніе Филократова мира и обнаружить истинныя намѣренія македонской партіи въ Аѣинахъ. Первый натискъ, обвиненіе самого Филократа въ подкупѣ, увѣнчался успѣхомъ; увѣренный въ приговорѣ, обвиняемый поспѣшилъ уйти въ изгнаніе. Общественное мнѣніе стало поворачиваться противъ дѣятелей македонской партіи; заговорили громко, что въ Пеллѣ они продали интересы Аѣинъ. Какъ парочно, въ это время арестовали нѣкогого Антифонта, заподозрѣннаго въ намѣреніи поджечь доки въ Пиреѣ. Теперь Демосѣенъ рѣшилъ привлечь къ суду самаго талантливаго изъ своихъ противниковъ, Эсхина; обвинитель требовалъ казни за измѣну интересамъ народа. Во всей Греціи съ напряженнымъ интересомъ слѣдили за единственнымъ въ своемъ родѣ турниромъ двухъ знаменитѣйшихъ ораторовъ. Около Эсхина сгрудились всѣ сторонники македонской партіи съ Эвбуломъ во главѣ, и ему удалось ускользнуть отъ осужденія, хотя и при ничтожномъ перевѣсѣ голосовъ; онъ спасся только тѣмъ, что увѣрялъ присяжныхъ въ своемъ горячемъ искреннемъ патріотизмѣ, остерегаясь говорить о симпатіяхъ къ Филиппу. Хотя Демосѣенъ потерпѣлъ неудачу, но важно было то, что въ сущности процессъ о «лженосольствѣ» служилъ пересмотромъ Филократова мира и обнаружилъ, какъ много въ Аѣинахъ недовольныхъ договоромъ (343 г.).

Встревоженный возрастаніемъ враждебной ему оппозиціи, Филиппъ рѣшилъ придти на помощь своимъ аѣинскимъ друзьямъ и попробовалъ самъ вмѣшаться въ дебаты аѣинскихъ собраній; онъ отправилъ въ Аѣины съ дипломатической миссіей византійца Писона, платоника, быв-

иго раньше на афинской службѣ, но ушедшаго, согласно вкѣсамъ своей школы, къ монарху. Филиппъ рассчитывалъ поразить афинскую публику талантомъ своего собственнаго придворнаго оратора. Самъ македонскій царь, однако, вовсе не захотѣлъ слушать афинское краснорѣчіе, когда въ Пеллу пріѣхалъ демосееновецъ Гегесиппъ съ предложеніемъ пересмотрѣть условія мира 346 года и замѣнить $\alpha \epsilon \chi \rho \sigma \tau \iota \nu$ формулой $\tau \acute{\alpha} \epsilon \lambda \upsilon \tau \omega \nu$, т.-е. признать за Афинами Амфиполь и Потидею.

Скоро усиливающееся вліяніе Демосееновской партіи начинаетъ сказываться и во внѣшней политикѣ. Въ Мегарѣ олигархи вошли въ тайное соглашеніе съ Филиппомъ, и одинъ изъ нихъ подступилъ съ македонскимъ отрядомъ къ городу; но афиняне успѣли предупредить его, помогши Мегарѣ возстановить укрѣпленія гавани Нисеи и Длинныхъ стѣнъ, соединявшихъ гавань съ городомъ. Другой болѣе важный случай помѣшать Филиппу представился на западной окраинѣ Греціи. Въ свое время элейская олигархія купила дружбу Македоніи уступкой ряда приморскихъ городовъ, основанныхъ Элидой на южномъ берегу Эпира. Филиппъ поспѣшилъ посадить царемъ въ Эпирѣ своего деверя Александра; затѣмъ онъ предпринялъ походъ къ берегамъ Іонійскаго моря, съ цѣлью захватить Амбракію и Акарнанію, что угрожало торговой линіи, соединявшей Афины и Коринѣъ съ западомъ. Но и эта попытка македонскаго царя не удалась: торговыя общины Левкады и Амбракіи насторожились, заключили оборонительный союзъ съ Афинами, и Филиппъ отступился отъ затѣяннаго предпріятія.

Разрывъ Афинъ съ Филиппомъ. Въ 342 году Филиппъ располагалъ гегемоніей надъ большей частью Греціи; Фессалія и Фокида составляли его провинціи, Беотія и Этолія были съ нимъ въ дружбѣ, во всѣхъ эвбейскихъ городахъ, кромѣ Халкиды, сидѣли его вассалы, въ Пелопоннесѣ на его сторонѣ были прежніе союзники еиванцевъ, Элида, Аркадія, Аргосъ. Независимость сохранили только Афины, Спарта и Коринѣъ, Халкида и Эвбея и нѣкоторыя западныя области и общины, Ахайя, Акарнанія, Амбракія, Коркира. Территорія независимой Греціи была гораздо меньше, чѣмъ въ 481 году, когда греки собирались дать отпоръ персамъ; къ тому же ея общины были теперь слабѣе людьми и гораздо менѣе воинственны. Филиппъ вовсе не считался со Спартой и Коринѣомъ, но Афины представляли для него все еще опасную силу, тѣмъ болѣе, что на морѣ онъ не могъ помѣряться съ ихъ флотомъ. Его цѣлью было теперь завоевать проливы и обширную Фракію, прилегавшую къ проливамъ, для того, чтобы открыть себѣ путь къ большому походу на востокъ, составлявшему *idée fixe* македонской политики. Въ проливахъ можно было опасаться столкновенія съ мореходною республикой. Но Филиппъ съ большою увѣренностью рассчитывалъ

на перемѣну настроенія въ Аѣинахъ послѣ крушенія морского союза въ 355 году, на крайнее нерасположеніе аѣинянъ къ войнѣ, на неповоротливость государственнаго механизма Аѣинъ; онъ надѣялся добиться своего, не вызвавъ войны съ ними.

Казалось, онъ не ошибался. Цѣлый годъ прошель въ войнѣ Македоніи съ еракійскимъ царствомъ Одрисовъ, лежавшимъ по обѣ стороны Балканъ, а въ Греціи никто не тронулся; страннымъ образомъ независимые греки не нашли возможнымъ прислать еракійцамъ на помощь своихъ инструкторовъ, хотя столько греческихъ кондотьеровъ уходило во все страны, прилегавшія къ Средиземному морю. Но расчеты Филиппа сорвались, благодаря дерзкой самостоятельности второстепеннаго аѣинскаго командира Діопейѣа, посланнаго съ клерухами занять важный для Аѣинъ Херсонесъ. Аѣиняне не дали Діопейѣу ни копейки денегъ, а онъ встрѣтилъ препятствія при водвореніи отправленныхъ съ нимъ колонистовъ; между прочимъ ему мѣшалъ городъ Кардія, которому Филиппъ помогъ присылкой военнаго отряда. Діопейѣу напаялъ на свой страхъ солдатъ и для вознагражденія ихъ сначала сталъ собирать «добровольную» дань съ торговыхъ кораблей, проходившихъ проливами, а потомъ пограбилъ владѣнія Филиппа у Пропонтиды. Македонскій царь прислалъ въ Аѣины жалобу по поводу такого нарушенія мира, и требовалъ въ угрожающемъ тонѣ удовлетворенія. Македонская партія, желая во что бы то ни стало избѣгнуть войны, успѣшила пойти ему навстрѣчу и заявила о необходимости отозванія Діопейѣа и наказанія его. Демосѣену удалось повернуть дѣло въ другое русло; тутъ обнаружили результаты его предшествующей агитаціи. Двѣ изъ сохранившихся рѣчей этого времени, «о херсонесскихъ дѣлахъ» и третья филиппика, отражаютъ настроеніе аѣинскаго общества наканунѣ паденія независимости и ярко рисуютъ манеру послѣдняго аѣинскаго демагога.

Демосѣенъ постоянно вспоминаетъ объ энергіи старыхъ Аѣинъ и на этомъ фонѣ подвергаетъ рѣзкой критикѣ непонятное растерянное поведение современныхъ аѣинянъ. Что это за способъ обереганія проливовъ, съ которыми, однако, связана жизнь Аѣинъ? У Филиппа всюду постоянныя войска, онъ можетъ въ любое время незамѣтно начать нападеніе, гдѣ захочетъ, мы же вмѣшиваемся только, когда налицо кричащее нарушеніе, а для того, чтобы собраться въ походъ, нужны долгія приготовленія; врагъ все это видитъ и успѣваетъ принять мѣры, такъ что мы всегда опаздываемъ. Необходимо, чтобы и аѣиняне въ угрожаемыхъ мѣстахъ держали постоянно вооруженныя силы. Затѣмъ, гдѣ у народа послѣдовательность? «Мы не хотимъ ни платить налоговъ, ни лично нести военную службу, а въ то же время не отказываемся отъ

полученія государственныхъ выдѣлъ (ѳеориковъ), мы не даемъ Діопейѳу нужныхъ средствъ и осуждаемъ, когда онъ ихъ добываетъ самъ, мы ко всему придираемся, все спрашиваемъ, откуда онъ добылъ, да что онъ собирается еще дѣлать и т. п.; при такомъ настроеніи мы не хотимъ сами входить въ дѣла, на словахъ мы одобряемъ тѣхъ, кто говоритъ о поддержаніи достоинства державы, а на дѣлѣ присоединяемся къ ихъ противникамъ» ¹⁴.

Рѣзкія нападенія на демосъ у Демосѳена чередуются съ попытками воодушевить аѳинянъ къ великому дѣлу борьбы за свое и за общегреческое дѣло, и тутъ онъ готовъ льстить самолюбію народа. По его словамъ, все, что въ Греціи осталось независимаго, съ трепетомъ сердца взираетъ на Аѳины. Филиппъ ненавидитъ эту общину и болѣе всего ея свободное устройство. Онъ знаетъ хорошо, что, если ему удалось всюду въ другихъ мѣстахъ достигнуть господства, его могущество все же непрочно, пока Аѳины остаются свободной общиной; вѣдь если съ нимъ приключится неудача, какъ это всегда возможно въ человѣческомъ мірѣ, всѣ, кого онъ сейчасъ подчинилъ, кинутся подъ защиту Аѳинъ въ надеждѣ найти въ нихъ помощь возстановленію свободы ¹⁵. Съ горечью признается Демосѳенъ, что прежнее свободолубіе грековъ почти исчезло; все, что было дорого независимому гордому гражданству, теперь «распродано на рынкѣ». Греція при смерти больна, она растрѣвается мелкой завистью, взаимнымъ злорадствомъ. Поразительно, что прежде находили нестерпимымъ подчиняться Аѳинамъ или Спартѣ, хотя это были истые сыны Эллады. Теперь же никто и не думаетъ возмущаться господствомъ Филиппа, между тѣмъ какъ онъ даже не грекъ, а варваръ худшаго сорта, негодный македонянинъ ¹⁶. Демосѳенъ напоминаетъ, что еще не поздно очнуться. «Пока корабль въ цѣлости, всѣ отъ мала до велика, и матросы, и кормчіе, и остальной экипажъ, должны ревностно исполнять свое дѣло и зорко глядѣть, чтобы отъ чьей-либо небрежности или злой воли не опрокинулось судно; когда же волны начнутъ заливать борта, всѣ усилія напрасны. Мы, аѳиняне, еще цѣлы, въ обладаніи крупнѣйшаго города, богатыхъ средствъ, мы пользуемся наилучшей славой» ¹⁷. Демосѳенъ настаиваетъ на устройствѣ союза независимыхъ общинъ. Не слѣдуетъ дожидаться, пока Филиппъ приведетъ войска въ Грецію; у него много силъ, въ открытомъ полѣ онъ безусловно одолѣетъ. Надо нападать на слабыя мѣста обширнаго фронта его владѣній; надо воспользоваться загорѣвшимися у Геллеспонта спорами и послать туда подкрѣпленія.

Третья филиппика— послѣдняя большая политическая рѣчь, сохранившаяся потомству. Болѣе позднія рѣчи Демосѳена, дошедшія до насъ, относятся къ частнымъ процессамъ или касаются вопросовъ второсте-

пенныхъ; остальные свѣдѣнія объ эпохѣ крайне обрывочны. Моментъ самой напряженной дѣятельности антимакедонской партіи, организація борьбы съ Филиппомъ, рисуется намъ въ довольно неясныхъ чертахъ. Съ 340 года партіи Демосѳена удается заключить рядъ важныхъ договоровъ. Византія, Хіосъ, Родосъ, бывшіе члены второго морского союза, опять почувствовали необходимость сближенія съ Аѳинами для обереганія своихъ торговыхъ интересовъ отъ Македоніи. Очень важно было устроеніе союза съ независимыми общинами Средней Греціи и Пелопоннеса, съ Халкидой на Эвбеѣ, Мегарой, Коринѳомъ, Ахайей, Акарнаніей; союзники составили финансовый фондъ для поддержанія военнаго флота въ 100 быстроходныхъ кораблей и сухопутнаго войска въ 10.000 пѣхотинцевъ и 1.000 всадниковъ. Еще одинъ успѣхъ выпалъ на долю Аѳинъ: изъ Эретрії и другихъ городовъ Эвбеи удалось изгнать тиранновъ, державшихся помощью Филиппа, и большой островъ присоединился къ союзу противъ македонскаго царя. Только въ одномъ аѳиняне потерпѣли неудачу: персидскій царь Артаксерксъ Охосъ, недавно восторжествовавшій надъ возстаніями провинцій, рѣзко отказалъ въ субсидіи, негодуя на то, что аѳиняне не помогли ему при подавленіи египетскаго мятежа. Въ смыслѣ настроенія въ Греціи, характерно, что на олимпійскихъ играхъ 340 года упоминаніе имени Филиппа было встрѣчено шиканьемъ и криками негодованія.

Война въ проливахъ и управленіе Демосѳена. Не вполне ясно, почему Филиппъ не принималъ никакихъ мѣръ въ Средней Греціи и избѣгалъ прямого разрыва съ Аѳинами. Можетъ быть, онъ рассчитывалъ на своихъ друзей въ республикѣ, переоцѣнивалъ ихъ вліяніе, можетъ быть, его слишкомъ отвлекали еракійскія дѣла. Такъ или иначе, въ 340 году онъ пошелъ не въ Грецію, а къ Геллеспонту и Пропонтидѣ, чтобы овладѣть проливами. Движеніе Филиппа съ войскомъ по аѳинской территоріи въ Херсонесѣ послужило для Демосѳена и Гегесиппа поводомъ заговорить о нарушеніи мира. Когда Гегесиппу крикнули въ собраніи: «ты хочешь вызвать войну», онъ отвѣтилъ: «да, не только войну, но близкую смерть, траурныя платья, публичныя погребенія и могильныя рѣчи, если вы хотите бросить шутки, освободить грековъ и вернуть первенство, созданное отцами нашими». Аѳиняне бросили въ море плиту съ текстомъ Филократова договора и начали снаряжать свой военный флотъ.

Но они не сразу появились у проливовъ. Филиппъ тѣмъ временемъ осадилъ важный Перинеъ у Пропонтиды, мѣсто переправы въ Азію. Осада велась по всѣмъ правиламъ новаго артиллерійскаго искусства, основаннаго Діонисіемъ, и Перинеу грозилъ неминуемый конецъ, если бы не подали неожиданно помощи ближніе персидскіе сатрапы. Филиппъ

бросился тогда на осаду Византіи. Ему, однако, не удалось обложить городъ, такъ какъ подѣхали аѳинскіе корабли. Аѳиняне вмѣстѣ съ византійцами разбили македонскій флотъ и прогнали его изъ Босфора въ Черное море. Филиппъ долженъ былъ отступить отъ Византіи, Аѳины же открыли себѣ свободный путь хлѣбоснабженія. Стало ясно, что съ приморскими городами сладить невозможно, пока аѳиняне сохраняютъ господство на морѣ; непосредственно сразиться съ ихъ флотомъ Филиппъ не рѣшался. Между тѣмъ Македонія сильно терпѣла отъ блокады ея береговъ аѳинскими кораблями. Оставался одинъ выходъ— разгромить Аѳины и союзныя съ ними общины съ суши.

Между тѣмъ вожди антимакедонской партіи въ Аѳинахъ вытѣснили эвбуловцевъ изъ правительственныхъ должностей. Въ 339 г. Демосеенъ становится главнымъ начальникомъ морского дѣла (*ἐπιστάτης τοῦ ναυτικοῦ*). Немного позднѣе Ликургъ замѣнилъ Эмбула въ качествѣ управителя финансовъ. Послѣдняя должность получаетъ теперь своеобразное обозначеніе—*ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει*. Въ строѣ кончающейся республики замѣтны характерныя перемѣны: и Демосеенъ, и Ликургъ являются каждый въ своемъ вѣдомствѣ администраторами единоличными; они правятъ безъ коллегъ. Для должности управителя финансовъ даже нѣтъ ограниченія годовымъ срокомъ; Ликургъ выбранъ на пятилѣтіе, а по прошествіи такового получаетъ возможность выдвинуть въ качествѣ своего преемника близкое ему лицо и остаться позади него фактическимъ руководителемъ дѣлъ, при чемъ его администрація продолжается до 326 года. Нельзя не отмѣтить, что въ то же самое время выдвинулся въ качествѣ важнаго политическаго органа Ареопагъ. Вспоминая по этому поводу Ареопагатикъ Исократъ (см. выше, стр. 517), невольно думаешь, что старый публицистъ точно уловилъ моментъ и своей статьей, какъ манифестомъ, открылъ эпоху возрожденія стараго консервативнаго органа, отодвинутаго въ свое время и почти упраздненнаго радикальной демократіей. Ареопагъ кассируетъ политическіе выборы, направляетъ въ качествѣ судебной палаты политическіе процессы, изъ чего можно заключить, что демократическіе суды пришли въ упадокъ. Характерныя черты аѳинской демократіи блекнутъ и слабѣютъ.

Демосеенъ провелъ очень важную реформу въ морскомъ бюджетѣ. Со времени послѣдней войны съ союзниками (357 г.) для снаряженія военныхъ кораблей существовали такъ наз. симморіи, т.-е. финансовыя компаніи изъ состоятельныхъ людей съ круговой порукой. Во главѣ симморій стояли 300 богатѣйшихъ лицъ, которыя ввели обложеніе всѣхъ плательщиковъ въ равной долѣ, т.-е. къ своей собственной выгодѣ, уплачивая гораздо меньшій процентъ своего дохода сравнитель-

но съ людьми средняго состоянія. Этотъ кругъ 300, господство которыхъ совпало съ сокращеніемъ Аѳинъ на степень кантона, составлялъ главную опору Эвбула. Побѣда антимакедонской партіи означала нѣкоторый возвратъ къ традиціямъ старой державной политики Аѳинъ. Она была, однако, неосуществима при условіи правленія финансовой олигархіи. Поэтому Демосеенъ, несмотря на сильнѣйшее сопротивленіе Трехсотъ, провелъ перемѣну въ смыслѣ пропорціональнаго обложенія. Главная тяжесть морского бюджета была переложена на богатыхъ, средній классъ получилъ извѣстное облегченіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно расширился доходъ государства; одновременно Демосеену удалось пріостановить выдачи на театръ, чего онъ давно добивался. Аѳины сдѣлали опять величайшее финансовое напряженіе, на какое только была способна община.

Херонейская битва и Коринѣскій договоръ. Филиппъ легко нашелъ поводъ для вооруженнаго выступленія въ Средней Греціи. Въ совѣтѣ дельфійскихъ амфиктіоновъ его аѳинскіе друзья вызвали нарочно скандалъ, создали ссору съ ближайшими сосѣдями Дельфъ, жителями Амфиссы, и совѣтъ обратился къ Филиппу, какъ обычному вершителю «священныхъ войнъ». Македонскій царь немедленно появился, но вмѣсто того, чтобы пойти на Амфиссу, занялъ въ Фокидѣ Элатею близъ беотійской границы и укрѣпился здѣсь лагеремъ; передъ нимъ разстилался открытый путь въ равнину Беотіи и дальше къ Аѳинамъ. Филиппъ предложилъ ѳиванцамъ неприкосновенность за пропускъ черезъ ихъ территорію.

Сохранился рассказъ Демосеена о томъ впечатлѣніи, которое вызвали въ Аѳинахъ первыя вѣсти. Дѣло было къ вечеру, пританы немедленно зажгли сигнальные огни, чтобы извѣстить сельское населеніе объ опасности и вызвать его въ городъ. На другой день съ раняго утра народъ собрался на Пниксѣ. Церемоніймейстеръ еkkлесіи нѣсколько разъ приглашалъ ораторовъ на кафедру. Долго никто не рѣшался говорить; наконецъ, выступилъ Демосеенъ; онъ предложилъ немедленно заключить тѣсный союзъ съ ѳивами и двинуться всѣмъ ополченіемъ на соединеніе съ ѳиванцами. Отправившись въ числѣ делегатовъ въ ѳивы, онъ энергично убѣждалъ ѳиванцевъ не довѣрять Филиппу; съ гибелью аѳинской свободы придетъ конецъ и ѳивамъ. Въ виду крайней опасности состоялся союзъ двухъ сильнѣйшихъ общинъ тогдашней Греціи; аѳиняне взяли на себя $\frac{2}{3}$ расходовъ, верховное начальство на сушѣ было передано ѳивамъ. Къ коалиціи примкнули завербованные уже раньше въ союзъ съ Аѳинами Эвбея, Акарналія, Коринѣвъ, Мегара, Ахайя и Коркира.

Союзники заняли сначала выгодное положеніе, закрывая Филиппу

горные проходы у Парнасса, ведущіе къ Коринскому заливу и къ Беотіи. Хитрыми маневрами македонскій царь вызвалъ ихъ къ отступленію и прорвался на равнину у Херонеи, гдѣ могъ свободно развернуть свои превосходныя силы. Лѣтомъ 338 года произошла знаменитая битва, которую принято считать концомъ независимой Греціи. Мы въ правѣ присоединить къ Херонеѣ еще двѣ большія и ожесточенныя битвы, составляющія завершеніе гибели республиканской Греціи, Мегалополь въ 330 г. и оессалійскіе бои въ 322 г. въ такъ наз. Ламійской войнѣ. Въ этихъ сраженіяхъ точно оживаетъ въ послѣдній разъ старая неукротимая раса, окончательно сходящая съ исторической сцены.

При Херонеѣ въ греческомъ войскѣ ополченія преобладали надъ наемниками. Демосѣенъ сражался въ качествѣ простаго гоплита; на его щитѣ была надпись: ἀγαθῆ τύχη, на счастье. Бились съ обѣихъ сторонъ долго и упорно, ѳиванская священная дружина полегла вся до единого человѣка. Аѳинское крыло сначала имѣло успѣхъ; исходъ битвы рѣшилъ сынъ Филиппа, Александръ, разбившій ѳиванцевъ, послѣ чего македоняне сокрушили и аѳинягъ. Сохранился разсказъ о томъ, какъ себя повелъ Филиппъ непосредственно послѣ битвы; по-варварски онъ напился пьянымъ и прошелся въ плясовой среди труповъ убитыхъ, повторяя въ тактъ: «Демосѣенъ, сынъ Демосѣена, сказалъ слѣдующее». Въ основѣ этого анекдота лежитъ убѣжденіе грековъ, что Филиппъ считалъ Демосѣена опаснѣйшимъ врагомъ своимъ и организаторомъ всего антимакедонскаго движенія. Передавая эту сцену, Плутархъ добавляетъ: «когда у него прошелъ хмель, онъ ужаснулся мысли о мастерствѣ (δεινότητά) и мощи оратора, который въ теченіе немногихъ часовъ своей рѣчи достигъ того, что царю пришлось защищать не только свое царствованіе, но и самое жизнь»¹⁸.

Греческія ополченія уже не въ силахъ были собраться для новаго сопротивленія и разошлись по домамъ. Филиппъ находился въ трехъ дняхъ пути отъ Аѳинъ. Вѣсть о Херонеѣ заставила нѣсколько богатыхъ людей изъ числа македонской партіи бѣжать на острова. Зато антимакедонская партія предложила свой планъ защиты до послѣдней крайности: вооружить всѣхъ гражданъ до 60-лѣтняго возраста; перевезти женщинъ и дѣтей, а также священные предметы культа и сокровища въ Пирей, куда долженъ отправиться и совѣтъ 500, чтобы стать во главѣ военныхъ силъ. Гиперидъ настаивалъ на томъ, чтобы дать всѣмъ метойкамъ, которые присоединятся къ ополченію, гражданскія права, освободить рабовъ, занятыхъ въ сельскомъ хозяйствѣ и въ лаврійскихъ рудникахъ, и, наконецъ, амнистировать и возстановить въ гражданскомъ званіи всѣхъ осужденныхъ на лишеніе правъ несо-

стоятельныхъ должниковъ государства и эмигрантовъ. При помощи всѣхъ этихъ средствъ предполагалось собрать армию въ 150.000 чело-вѣкъ. Предложеніе Гиперида интересно въ томъ отношеніи, что оно иллюстрируетъ постоянство политическаго воображенія у опредѣлен-ныхъ партій. На Пирей въ качествѣ послѣдняго оплота указывалъ въ свое время основатель радикальной партіи Фемистоклъ; освобожденіе рабовъ и принятіе ихъ въ ополченіе частью осуществила радикальная демократія въ самые критическіе моменты Аѣинъ, при нашествіи Ксеркса и передъ битвой при Аргинусахъ. Но въ 338 году соотвѣтствующія предложенія радикаловъ не прошли: не удалось также поставить во главѣ военныхъ силъ непримиримаго Харидема; большинство высказа-лось за умѣреннаго Фокіона, сторонника соглашенія съ Филиппомъ. Только Ликургъ сумѣлъ осуществить какія-то финансовыя чудеса; за-житочные люди собрали въ своей средѣ заемъ, который былъ переданъ Ликургу подъ его личный кредитъ; составилаь сумма въ 650 талан-товъ для снаряженія кораблей и укрѣпленія городскихъ стѣнъ.

Съ Фивами Филиппъ расправился сурово: разстроилъ беотійскій союзъ, уничтожилъ фиванскую демократію, просуществовавшую 40 лѣтъ (съ 379 г.), поставилъ въ Кадмеѣ македонскій гарнизонъ и вы-звалъ изгнанниковъ-олигарховъ, которые немедленно учинили въ го-родѣ рѣзню. Аѣины онъ не хотѣлъ доводить до крайности. Черезъ одного изъ плѣнниковъ, взятыхъ при Херонеѣ, оратора Демада, ма-кедонскій царь завелъ переговоры и предложилъ слѣдующія условія. Аѣины сохраняютъ свою автономію и неприкосновенность территоріи Аттики, но уступаютъ острова и Херсонесъ, т.е. обладаніе проли-вами и остатки морского союза 377 г., при чемъ распускается союзный конгрессъ. Аѣинамъ предоставлено будетъ присоединиться къ новому союзу, который Филиппъ предполагаетъ учредить въ Грецію. Демадъ, обильно снабженный средствами отъ царя, добился полного успѣха, и миръ былъ заключенъ на сообщенныхъ при его посредствѣ условіяхъ. Аѣиняне смирились, приняли Филиппа въ число почетныхъ гражданъ и поставили ему на большой площади статую.

Демадовъ миръ обезпечилъ Филиппу безпрепятственное движеніе на Истмъ и въ Пелопоннесъ; онъ занялъ Халкиду на Эвбеѣ, вступилъ послѣдовательно въ Мегару и Коринѣ, подчинилъ приморскіе города Арголиды, прошелъ по Аркадіи и опустошилъ Лаконію такъ, что и спартанцы должны были просить мира. Всюду побѣда Македоніи со-провождалась вступленіемъ новой монархической символики. Въ Олим-пѣи построили Филиппеонъ, гдѣ красовались статуи Филиппа, его роди-телей, его жены и сына, изготовленныя изъ слоновой кости. Въ 337 г. Филиппъ созвалъ въ Коринѣ собраніе представителей всѣхъ грече-

ских общинъ, кромѣ Спарты, отказавшейся принять участіе. Коринскій конгрессъ установилъ общегреческій миръ при обычномъ провозглашеніи автономіи. Международное право греческихъ общинъ было сформулировано съ особенной обстоятельностью; не только гарантировалась неприкосновенность территоріи, но и точно описывались ея границы для каждой отдѣльной общины. Воспрещались всякія усобицы и объявлялась полная свобода торговаго мореплаванія; ни одинъ городъ не долженъ задерживать чужіе корабли или принуждать ихъ къ выгрузкѣ у себя. Особенно выразительны и реалистичны были условія, касающіяся внутреннихъ порядковъ въ общинахъ. Всѣмъ членамъ союза обезпечено сохраненіе существующей конституціи и общаю «не допускать ни конфискаціи движимости, ни передѣловъ земли, ни уничтоженія долговыхъ обязательствъ, ни освобожденія рабовъ, ни вообще какого-либо подобнаго акта путемъ революціи» (ἐπι νόμοτερισμῶ) ¹⁹. Между греками и македонскимъ царемъ устанавливается вѣчный союзъ и дружба; на этой основѣ поднимется походъ на персовъ въ отмщеніе за совершенныя ими въ Элладѣ святотатства; верховное начальство (гегемонія) на сушѣ и на морѣ передается царю Филиппу. Каждая община ставитъ опредѣленный контингентъ солдатъ и кораблей. Грекамъ воспрещается служить гдѣ-либо вопреки интересамъ македонскаго царя; кто провинится противъ Македоніи, изгоняется навѣки со всѣмъ своимъ родомъ и лишается имущества. Судить нарушителей будетъ совѣтъ дельфійскихъ амфиктионовъ.

Въ коринескомъ договорѣ двѣ благозвучныя формулы, провозглашеніе автономіи и призывъ къ священной національной войнѣ, едва прикрываютъ фактъ подчиненія грековъ Македоніи. Параграфъ, воспрещающій служить противъ македонскаго царя, обезпечивалъ Филиппу монополію въ распоряженіи военными силами Греціи. Послѣдовательное проведеніе автономіи съ отмѣной всѣхъ союзовъ и объединеній лишало грековъ возможности организовать какое-либо сопротивление Македоніи и завершало раздробленіе Греціи. Но всего важнѣе были для судьбы республикъ параграфы, опредѣлявшіе внутренній строй общинъ. Надо вспомнить, что Македонія всюду поддерживала олигархическіе клубы и династіи. Эти вѣрные союзники Филиппа продали ему теперь исключительное право пользоваться военными силами греческихъ общинъ, взаменъ чего получили его содѣйствіе противъ революціи и гарантію спокойнаго обладанія капиталами. Коринескій договоръ 337 г. какъ нельзя болѣе отчетливо формулируетъ соціально-охранительную роль монархіи.

Связь между консервативно-капиталистическими силами общества и монархіей отразилась и въ государственно-правовой теоріи грековъ. Въ

Политикъ Аристотеля мы находимъ оригинальныя выраженія о монархіи. Аристотель противопоставляетъ, съ одной стороны, тираннію въ качествѣ революціонной диктатуры и наслѣдственную монархію—съ другой. Тираннія выходитъ изъ демократическаго возстанія, изъ соціальнаго переворота. Тиранны—демагоги, ведущіе массу противъ аристократіи. «Монархія, напротивъ, создана ради поддержки высшихъ классовъ (τοῖς ἐπιεικέσι) противъ народа». Немного далѣе Аристотель говоритъ: «царь—естественный охранитель интересовъ и слѣдитъ за тѣмъ, чтобы владѣтели имуществъ (οἱ κεκτημένοι τὰς οὐσίας) ни въ чемъ не терпѣли ущерба, а масса не была притѣсняема»²⁰. Среди формулъ Аристотеля, обыкновенно отвлеченныхъ и сухихъ, эта характеристика монархіи выдѣляется своею конкретностью. Дѣло идетъ о чемъ-то близкомъ, хорошо знакомомъ. Да иначе нельзя и объяснить эти выраженія; гдѣ же въ прошломъ Аристотель нашелъ примѣръ такой монархіи? Все приводитъ насъ къ заключенію, что теоретикъ государственнаго права захотѣлъ ввести въ свой трактатъ результаты новаго, недавняго, и для Греціи пока единичнаго наблюденія.

Воцареніе Александра и катастрофа Фивъ. Вскорѣ послѣ заключенія коринесскаго договора, весной 336 г. Филиппъ былъ убитъ въ Пеллѣ однимъ изъ своихъ приближенныхъ. Покушеніе на царя стояло въ связи со скандалами, которые происходили въ его семьѣ. Филиппъ рѣшилъ взять себѣ вторую жену изъ знатнаго македонскаго рода Атталидовъ и явно собирался отодвинуть первую жену, эпитротку Олимпиаду, что угрожало также положенію ея сына Александра. Убийца изъ числа приверженцевъ Атталидовъ дѣйствовалъ по личнымъ мотивамъ, но ускорилъ разрѣшеніе династическаго вопроса. Македонская аристократія и особенно главные командиры войска поспѣшили признать царемъ 20-лѣтняго Александра, а онъ немедленно произвелъ кровавую расправу надъ своими противниками, предоставивъ своей матери растерзать соперницу съ ея ребенкомъ и отдѣлавшись самъ отъ лишней родни съ отцовской стороны. Воцареніе его было настоящимъ дворцовымъ переворотомъ во вкусѣ обычныхъ вступленій персидскихъ властителей. Александра принято изображать благородной натурой, горячимъ, воспріимчивымъ юношей, проникнутымъ гуманными началами эллинизма, лишь подъ впечатліемъ опьяняющихъ устѣховъ на Востокъ склонившимся къ деспотическимъ привычкамъ. Въ дѣйствительности онъ отъ природы и съ самаго начала былъ жестокимъ варваромъ, какъ сказали бы греки, ни въ чемъ не отличавшимся отъ отца и другихъ македонянъ, вообще глубоко чуждыхъ греческому быту и культурѣ. Онъ скоро далъ въ этомъ отношеніи наглядные уроки грекамъ.

Смерть Филиппа была встрѣчена въ Греціи съ чувствомъ облег-

ченія. Демосеенъ, только что потерявшій единственную дочь, снялъ семейный трауръ и появился публично въ бѣлой праздничной одеждѣ, предлагая гражданамъ совершить благодарственную жертву и послать привѣтствіе убійцѣ Филиппа. Ликургъ притянулъ на судъ Ареопага Автолика, одного изъ богатыхъ аѳинянъ, бѣжавшихъ послѣ Херонейской битвы; въ своей рѣчи онъ представилъ это бѣгство въ видѣ величайшаго преступленія противъ родины и сказалъ, что никогда еще не было передъ судьями въ Аѳинахъ процесса болѣе важнаго; обвиняемый былъ осужденъ на смертную казнь. Александръ немедленно появился въ Средней Греціи и прошелъ въ Коринѳъ; здѣсь делегаты общинъ посторили объщаніе, данное его отцу—идти общими силами на завоеваніе востока, но скоро Александра отвлекли еракійскія дѣла; на время онъ какъ бы исчезъ за Балканами и даже распространилось извѣстіе о его гибели. Въ Греціи зашевелились противники македонянъ; особенно энергично поднялись оиванцы, которые возстановили беотарховъ и осадили македонскій гарнизонъ въ Кадмеѣ. Не успѣли они подумать о томъ, чтобы загородить Оермопилы, какъ Александръ уже проникъ въ Среднюю Грецію и подступилъ къ стѣнамъ Оивъ. Послѣ ожесточеннаго боя, въ которомъ оиванское ополченіе обнаружило отчаянную храбрость, македоняне загнали противника въ городъ, ворвались вездѣ за нимъ и учинили страшную рѣзню, проникая въ дома и храмы, куда забилась женщины и дѣти. Александръ велѣлъ разрушить Оивы въ буквальномъ смыслѣ слова; демонстративно пощадили только домъ, гдѣ жилъ Пиндаръ, за то, что онъ въ свое время прославлялъ македонскихъ царей. Въ расправѣ надъ оиванцами принимали участіе ихъ смертельные враги-сосѣди, во-первыхъ, фокидяне, а затѣмъ беотійцы, жители Теспій и Платей: сказалось явленіе, слишкомъ обычное въ греческихъ уособицахъ. Александръ составилъ изъ нихъ судилище надъ оиванскими плѣнниками; пылая злобой и угождая македонскому царю, судьи опредѣлили продать въ рабство всѣхъ оставшихся въ живыхъ, разыскать всѣхъ бѣглецовъ, укрывшихся въ греческихъ городахъ, и раздѣлить оиванскую территорію между ближайшими кантонами.

Много оиванскихъ бѣглецовъ приняли у себя Аѳины. Александръ потребовалъ ихъ изгнанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдачи главныхъ дѣятелей антимакедонской партіи, Ликурга, Демосеена и стратега Харидема, извѣстнаго своей непримиримой враждой къ Македоніи. Партія Демосеена пользовалась, однако, такимъ вліяніемъ, что народъ не согласился ихъ выдать. При посредничествѣ Фокіона отстояли Демосеена и Ликурга, а Харидемъ уѣхалъ ко двору вновь воцарившагося Дарія III Кодомана.

Между прочимъ мы много слышимъ о дружбѣ Александра съ уче-

ИМИ и философиями. Въ Аѳины переселяется Аристотель, уроженецъ Стагира на еракійскомъ берегу, ученикъ Платона, бывший наставникъ Александра въ наукахъ. Ученый энциклопедическихъ знаний, Аристотель открываетъ въ Аѳинахъ высшую школу; въ послѣдствіи Александръ ведетъ со своимъ учителемъ переписку и посылаетъ ему съ востока коллекцію диковинокъ. Затѣмъ передаются разные анекдоты, о томъ, какъ другой ученикъ Платона, Ксенократъ, получилъ въ подарокъ отъ Александра 50 талантовъ, изъ которыхъ скромный философъ взялъ себѣ только 30 минъ; о томъ, какъ будущій завоеватель міра милостиво бесѣдовалъ съ оборванцемъ «собакой» Діогеномъ, грѣвшимся на солнцѣ около своей легендарной бочки. Какъ объяснить это сближеніе между интеллигентными кругами Греціи и варварской монархіей? Что реальнаго въ основаніи анекдота о Діогенѣ?

Къ сожалѣнію, до насъ дошли только классическія произведенія Платона и Аристотеля, двухъ представителей аристократическаго и бюрократическаго теченія въ интеллигенціи: влеченіе этой школы къ Македоніи понятно послѣ того, что мы знаемъ объ отношеніи Платона къ сицилійской монархіи. Все же, что касается жизни и ученія киниковъ, исчезло. А между тѣмъ они составляли немаловажную долю тогдашняго общества; ихъ кружки со времени смерти Сократа, вѣроятно, значительно разрослись. Эти «граждане міра», или, скромнѣе говоря, секты монашествующихъ, уклонявшіеся отъ налоговъ и повинностей, составляли балластъ для греческихъ кантоновъ, и безъ того оскудѣвшихъ и стѣсненныхъ политическими и военными условіями IV вѣка. Вести съ сектантами борьбу посредствомъ судебныхъ процессовъ, какъ республиканцы въ свое время попробовали въ дѣлѣ Сократа, представлялось теперь безнадежнымъ. Для того, чтобы насильно забирать ихъ въ ряды солдатъ, какъ дѣлали потомъ въ римской имперіи и въ Византіи, у общинныхъ властей не хватало матеріальныхъ средствъ. Этотъ пассивный элементъ, какъ тяжелая гиря давившій небольшіе механизмы греческихъ городовъ, былъ своеобразнымъ союзникомъ надвигавшейся монархіи, поскольку онъ парализовалъ силу сопротивленія независимыхъ общинъ.

Походъ Александра на востокъ и его греческіе противники. Вскорѣ послѣ своего воцаренія Александръ отправилъ передовые отряды подъ начальствомъ Парменіона на завоеваніе Малой Азіи. Государство Ахменидовъ къ этому времени значительно ослабѣло. Непрерывныя возстанія въ Египтѣ, Вавилонѣ, Малой Азіи не только уменьшили воинскую силу самихъ иранцевъ, но сопровождались также истребленіемъ мѣстныхъ военныхъ элементовъ, которые составляли въ эпоху Ксеркса значительную часть персидской арміи. Отсюда возрастающее значеніе

грековъ, поступавшихъ на службу къ великому царю. Коринѣскій договоръ, однако, сильно отразился на движеніи наемниковъ въ Азію. Вѣроятно, обязательство не отпускать греческихъ воиновъ на востокъ, которое приняли на себя олигархія, вошедшія въ союзъ съ Филиппомъ, было хорошо оплачиваемо македонскимъ царемъ и давало возможность правящимъ въ городахъ династіямъ удерживать дома свободные военные элементы. Вслѣдствіе этого Дарій III уже не могъ собрать при себѣ такого количества греческихъ воителей, какъ его предшественникъ Артаксерксъ III Охосъ.

Персидское правительство все же приняло тѣ мѣры, какія были въ его распоряженіи. Греческому командиру Мемнону, брату того Ментора, который спасъ державу при Артаксерксѣ, было поручено дѣйствовать съ небольшимъ греческимъ отрядомъ противъ Парменіона, и онъ скоро вытѣснилъ македонянъ изъ Малой Азіи. Одновременно Дарій вошелъ въ сношенія съ европейскими греками и отправилъ имъ субсидіи. Деньги официально взяли только спартанцы; аѣиняне не рѣшились на такой открытый шагъ; но частнымъ образомъ Демосеенъ принялъ на свое имя 300 талантовъ и вступилъ такъ же, какъ Ликургъ, въ переписку съ царскимъ намѣстникомъ Лидіи; впоследствии, къ своему большому торжеству, Александръ нашелъ въ Сардахъ расписку Демосеена въ полученіи персидскихъ денегъ ²¹. Аѣинскій эмигрантъ Харидемъ предложилъ Дарію свой планъ борьбы противъ Македоніи; онъ настаивалъ на томъ, чтобы царь не отправлялся лично съ главными силами на встрѣчу врагу; должно двинуть на передній фронтъ около 100.000 и составить эту армію на $\frac{1}{3}$ изъ греческихъ наемниковъ; предполагая выступить самъ во главѣ такого войска, аѣинянинъ обѣщаль полный успѣхъ персамъ.

Весною 334 года Александръ двинулся черезъ Геллеспонтъ въ Азію. Его войско состояло изъ 35.000 солдатъ, среди которыхъ македоняне составляли немного болѣе трети, столько же было грековъ, ополченцевъ, выставленныхъ союзными общинами, и наемниковъ; остальную часть образовали варварскіе полки Иллиріи и Фракіи. Предпріятіе Александра было плохо финансировано и въ этомъ отношеніи отличалось рѣзко отъ организаціи Ксерксова похода, напоминая скорѣе разбойничьи экспедиціи Деркилида и Агесилая, которые также рассчитывали исключительно на запасы и сокровища покоряемыхъ странъ. Другой слабой стороной македонскаго нападенія былъ флотъ, значительно уступавшій вражескому. Имѣя въ виду эти недостатки противника, Мемнонъ предлагалъ уклониться отъ сраженія съ македонянами въ открытомъ полѣ и опустошить страну, чтобы затруднить Александру движеніе въ глубь Азіи; тѣмъ временемъ должно открыть дѣйствія на морѣ, отрѣ-

затѣ вторгнувшуюся армію отъ европейской базы и перенести войну въ Македонію.

Дарій не послушался ни Харидема, ни Мемнона; навстрѣчу Александру была послана иранская конница, которую онъ разсѣялъ у р. Граника; эта побѣда повела къ гибели 20-тысячнаго корпуса греческихъ наемниковъ, оставшихся безъ прикрытія и внезапно достигнутыхъ Александромъ. Путь въ глубину Малой Азіи былъ открытъ македонянамъ; но Александръ не рѣшился двинуться впередъ, такъ какъ Мемнону, котораго Дарій сдѣлалъ главнокомандующимъ въ Малой Азіи, удалось осуществить вторую половину своего плана и выступить съ флотомъ въ Эгейскомъ морѣ; можно было опасаться соединенія съ нимъ многихъ общинъ европейской Греціи, едва выносившихъ господство Македоніи. Александръ вынужденъ былъ идти западнымъ берегомъ Малой Азіи и завоевывать одинъ за другимъ приморскіе города, чтобы отнять опору у персидскаго флота. Особенно упорное сопротивленіе онъ встрѣтилъ въ Галикарнасъ, гдѣ сильно укрѣпились самъ Мемнонь и два аѳонскихъ эмигранта, Эфіальтъ и Фрасибулъ. Лишь смерть Эфіальта вынудила Мемнона отступить и предоставить Александру послѣдній оплотъ на западномъ берегу Малой Азіи. Мемнонь занялъ послѣ этого Хіосъ и Лесбосъ и завелъ сношенія съ европейскими греками. Но Александру удивительно везло на гибели своихъ самыхъ опасныхъ противниковъ; весной 333 года Мемнона не стало, а съ его смертью все предпріятіе персовъ на морѣ разстроилось. Не считаясь болѣе съ ничтожными преемниками греческаго командира, Александръ двинулся впередъ по малоазійскому плоскогорію на выходъ къ равнинамъ Сиріи. Отвергая предостереженія Харидема, царь персидскій поспѣшилъ ему навстрѣчу съ цѣлью добиться рѣшенія въ большой сухопутной битвѣ. Когда разгорячившійся аѳонянинъ съ привычной независимостью заявилъ въ царскомъ совѣтѣ, что азіатскія войска ничего не стоятъ по сравненію съ греческими, Дарій притронулся къ его поясу; приближенные немедленно вывели Харидема и задушили его.

Въ битвѣ при Иссъ (осенью 333 года) Александръ разсѣялъ большія силы, собранныя Даріемъ; корпусъ греческихъ наемниковъ сражался превосходно и даже потѣснилъ лѣвое крыло македонянъ, но былъ увлеченъ въ общее пораженіе; лишь часть его успѣла спастись въ Египетъ. Александръ все еще не могъ рѣшиться на движеніе въ центральныя области державы, пока море оставалось въ обладаніи противника. Въ расчетѣ отвлечь отъ береговъ Греціи главныя морскія силы персовъ онъ напалъ на финикійскій Тиръ. Немедленно къ нему присоединились киликійскія и кипрскія суда, до тѣхъ поръ стоявшія въ Эгейскомъ морѣ. Финикія оказалась похожей на Грецію, страной автоном-

ныхъ городскихъ кантоновъ, жившихъ несогласно между собою. Сидонъ, Арадъ и Библь, изъ вражды къ единоплеменному Тиру, отдались Александру. Исчезновеніе персидскаго флота изъ Эгейскаго моря и паденіе послѣ долгой осады Тира рѣшило участь Египта; оставшіеся во флангъ, лишенные поддержки, египетскіе намѣстники сдали богатѣйшую провинцію державы безъ боя.

Дальнѣйшій ходъ большого македонскаго завоеванія востока не можетъ насъ здѣсь занимать. Мы коснемся только судьбы грековъ, находившихся на персидской службѣ, и отношеній въ самой европейской Греціи. Большинство служившихъ персидскому царю греческихъ наемниковъ погибло въ бояхъ, часть бѣжала въ Грецію, лишь очень немногіе перешли къ Александру. Еще во время послѣдняго сраженія при Арбелахъ (331) греческіе наемники составляли гвардію, окружавшую Дарія и представителей персидской знати. Уцѣлѣвшіе отъ пораженія греки бѣжали вмѣстѣ съ царемъ въ отдаленныя провинціи на востокъ; когда Дарія убили одинъ изъ сатраповъ, греки укрылись съ персомъ Артабазомъ въ Гирканіи (у юго-восточнаго угла Каспійскаго моря). Артабазъ явился къ Александру и предложилъ условія капитуляціи. Но македонскій царь, милостиво принявши перса, потребовалъ безусловной сдачи грековъ. Изъ сдавшихся 1.500 человекъ онъ отпустилъ на волю гражданъ Синопы, какъ общины, не входившей въ составъ Греціи, а также тѣхъ солдатъ, которые поступили на персидскую службу до заключенія Коринскаго договора. Двухъ офицеровъ, одного спартанца, другого афинянина, Александръ велѣлъ арестовать; третій, афинянинъ, случайно носившій провиденціальное имя Демократа, покончилъ съ собою самъ, увѣренный въ томъ, что пощады ему отъ македонянъ не будетъ ²².

Катастрофа Спарты и колебанія Аѳинъ. Всюду отношенія между македонянами и греками были болѣе, чѣмъ холодны; кажется, какъ будто греки чувствовали къ македонянамъ болѣе вражды, чѣмъ къ персамъ. Александръ отпустилъ греческихъ наемниковъ, служившихъ ему, видимо, вовсе не желая дѣлиться съ ними несмѣтной добычей, которая ему досталась. Въ самой Греціи лишь очень немногіе, въ родѣ Эхгина, восторгались успѣхами Александра и быстрой гибелью персидской державы, когда-то столь страшной грекамъ. Огромное большинство еще не вполне истребленной независимой расы враждебно смотрѣло на завоеваніе востока, сознавая, что, съ исчезновеніемъ противника Македоніи завершается гибель Греціи.

Около времени битвы при Арбелахъ въ Пелопоннесѣ началось возстаніе, во главѣ котораго стоялъ спартанскій царь Агисъ. Онъ собралъ наемниковъ, бѣжавшихъ изъ Азіи послѣ пораженія Дарія при Иссѣ,

а также ополченія пелопоннескихъ общинъ и осадилъ городъ Мегалополь въ Аркадіи, единственный оплотъ Македоніи на южномъ полуостровѣ. Въ Аѣинахъ Демосеенъ высказался за присоединеніе къ Спартѣ и особенно настаивалъ на снаряженіи морскихъ силъ для блокады Македоніи. Но Демадъ, который въ это время заправлялъ кассой ееориковъ, разстроилъ дѣло, заявивши народу: «деньги у меня есть; я вамъ приготовилъ каждому по полминіѣ къ празднику возліаній; но если вы хотите истратить ихъ на другую дѣль, платите за участіе въ праздникѣ изъ собственнаго кармана». Демосъ, давно уже утратившій былую воинственность, не устоялъ и отказался отъ всякихъ снаряженій. Между тѣмъ Антипатръ, оставленный Александромъ въ качествѣ регента Македоніи, быстро собралъ силы, вдвое большія сравнительно съ арміей Агиса, и напалъ на него близъ Мегалополя. Произошла упорная битва, въ которой погибли послѣдніе остатки горделивой спартанской аристократіи. Агисъ, раненый въ ногу и подхваченный на руки отступающими солдатами, приказалъ имъ обернуться къ врагу и, упавъ на колѣно, со щитомъ и копьемъ въ рукѣ, встрѣтилъ смерть, какъ подобало спартацу (330 г.).²³ Старую Спарту можно считать уничтоженной въ бою при Мегалополѣ.

Аѣины рѣзко ощущали паденіе своей морской силы. Развивавшіеся въ брошюрахъ 50-хъ гг. расчеты банкировъ и купцовъ на торговый подъемъ, при сокращеніи военной мощи, не оправдались. Аѣинскій транзитъ долженъ былъ уступить первенство Родосу и вновь основанной Александріи въ Египтѣ. Но городъ былъ задѣтъ еще гораздо болѣе непосредственно; съ потерей владѣній у проливовъ, съ переходомъ Египта въ руки македонскаго царя, Аѣины не могли обезпечить себѣ правильной доставки хлѣба. Намѣстникъ Египта Клеоменъ скупалъ предназначавшійся для Греціи хлѣбъ и диктовалъ метрополіи цѣны; въ Аѣинахъ онѣ поднимались по временамъ втрое, вчетверо выше обычныхъ. Въ 326 году аѣиняне спаслись отъ дороговизны только благодаря своимъ старымъ торговымъ связямъ съ черноморскими князьями и съ купцами малоазійскихъ городовъ; «благодѣтелей народа» почтили постановкой статуй на большой рыночной площади.

Во время индійскаго похода Александра македонскій казначей Гарпалъ, управлявшій въ Вавилонѣ вновь награбленными сокровищами, измѣнилъ царю, бѣжалъ съ казною въ Грецію и предложилъ свои услуги Аѣинамъ (324 г.). На этотъ разъ Демосеенъ не рѣшился на измѣну Македоніи. Гарпала съ его 5.000 талантовъ и отрядомъ въ 6.000 наемниковъ не пустили въ Пирей. Онъ отвезъ солдатъ на мысъ Тенаръ въ Пелопоннесѣ, гдѣ былъ постоянный лагерь нанимавшихся на службу воителей, и вновь обратился къ аѣинянамъ, при чемъ успѣлъ

раздать деньги направо и налево. Когда Гарпала впустили въ Аѣины, появились чиновники Александра съ требованіемъ его выдачи. Демосеенъ предложилъ не выдавать Гарпала, но взять его подъ стражу и потребовать депозита всей захваченной у него суммы, а также возврата денегъ, взятыхъ у него гражданами.

Скоро пришлось, однако, совѣмъ смириться. Вернувшись изъ Индіи, Александръ прислалъ европейскимъ грекамъ два требованія, которыя показывали, что онъ безусловно не хочетъ считаться съ республиканскими и автономными формами Греціи. Одно заключалось въ томъ, чтобы его признали богомъ и включили въ число олимпійцевъ въ качествѣ тринадцатаго; въ этомъ отношеніи персидскіе владыки были куда скромнѣе и приличнѣе зарвавшагося македонянина, хотя имъ также хорошо была извѣстна старинная восточная лестъ обоже- ствленія правителей. Другое состояло въ объявленіи общей амнистіи и принудительномъ возвратѣ всѣхъ политическихъ изгнанниковъ, удаленныхъ изъ греческихъ общинъ²⁴. Въѣтъ съ прибытіемъ этой массы людей, обязанныхъ Македоніи, греческія общины въ сущности предавались анархіи; одновременно воспрещались всякіе конгрессы и сѣзды союзныхъ городовъ. Сначала въ Аѣинахъ поднялся протестъ; республиканецъ-пуританинъ Ликургъ, человекъ благочестивый, заявилъ весьма зло, что если прежде очищались передъ вступленіемъ въ святилище, то теперь, со введеніемъ новаго божества, придется очищаться, выходя изъ храма. Однако положеніе Аѣинъ было такъ шатко, что даже Демосеенъ посовѣтовалъ уступить Александру. Спарта, окончательно смирившаяся послѣ Мегалополя, заявила: «если Александръ хочетъ быть богомъ, пусть будетъ богомъ».

Колебанія Демосеена въ дѣлѣ Гарпала повели къ тому, что его самого обвинили въ утайкѣ денегъ, будто бы взятыхъ у македонскаго казначея. Среди обвинителей выступилъ старый другъ Демосеена, Гиперидъ. Демосеенъ былъ осужденъ на большой штрафъ и, такъ какъ у него не было средствъ заплатить сумму, посаженъ въ тюрьму, откуда бѣжалъ въ Пелопоннесъ.

Ламійская война и катастрофа Аѣинъ. Въ 323 г. Александръ умеръ отъ лихорадки, и огромное, наскоро сколоченное государство стало распадаться. Въ Греціи поднялось все, что еще сохранило независимость послѣ Хероней и Мегалополя. Родосцы выгнали македонскій гарнизонъ; на Хіосѣ демагогъ Теокрытъ, остроумный и фдкій противникъ македонянь, заставилъ бѣжать историка Теопомпа, возвращеннаго по милости Александра. Демосеена съ почетомъ вернули въ Аѣины, на встрѣчу ему вышло все гражданство со жрецами и архонтами во главѣ. У возстанія оказался талантливый вождь въ лицѣ аѣинянина Леосеена,

который сумѣлъ собрать остатки бѣжавшихъ изъ Азіи греческихъ наемниковъ и организовать ихъ въ большомъ лагерѣ на Тенарѣ; къ нимъ присоединились ополченія аеинянъ, этолійцевъ и мелкихъ ѳессалійскихъ племенъ; поднялась большая часть пелопоннесцевъ, только въ Коринѣ удержался македонскій гарнизонъ.

Леосѳенъ выработалъ стратегическій планъ въ соотвѣтствіи съ характеромъ своего пестраго войска; онъ зналъ, что греческіе отряды не выдержатъ долгой войны, начнутъ расходиться по домамъ, и спѣшилъ встрѣтить врага за Ѳермопилами, чтобы добиться рѣшительнаго успѣха до его вступленія въ Среднюю Грецію. Походъ Леосѳена начался при самыхъ лучшихъ предзнаменованіяхъ. Антипатръ подошелъ съ большими силами, но Леосѳенъ разбилъ его въ южной Ѳессаліи, и македоняне едва спаслись въ укрѣпленной Ламіи (отсюда названіе войны). Антипатръ уже готовъ былъ предложить грекамъ выгодныя условія мира, какъ внезапно въ небольшой стычкѣ былъ убитъ Леосѳенъ. Осада Ламіи затянулась, а новый командиръ Антифилъ не сумѣлъ удержать въ цѣлости армію греческихъ наемниковъ и ополченцевъ. Сбылись опасенія Леосѳена: какъ во всѣхъ греческихъ походахъ, отряды стали одинъ за другимъ расходиться по домамъ. Между тѣмъ македоняне стянули въ Ѳессалію значительныя силы; Антипатръ высвободился изъ Ламіи и открылъ себѣ свободный путь черезъ Ѳермопилы; съ моря македонскій флотъ блокировалъ Грецію. Подъ конецъ въ полѣ остались только аеиняне и этолійцы. Стѣсненные до крайности, они просили у Антипатра мира. Изъ Аеинъ отправились послами Демадъ, Фокіонъ и новый дѣятель консервативной партіи, Деметрій изъ Фалера, а также платоникъ Ксенократъ.

Антипатръ потребовалъ выдачи Гиперида и Демосѳена и уничтоженія демократіи. Введена была конституція ценза; всѣ тѣ, чье имущество не превышало 2.000 драхмъ, выключались отъ политическихъ правъ. По словамъ Діодора, требованію ценза удовлетворяли 9.000 гражданъ. Побѣдитель гарантировалъ имъ спокойное обладаніе имуществомъ и для охраны ихъ отъ массы остальныхъ 12.000, признанныхъ элементомъ безпокойнымъ и революціоннымъ, поставилъ въ Мудихіи македонскій гарнизонъ. Антипатръ распорядился даже выселить значительную часть аеинскаго пролетаріата въ колоніи, отведенныя во Фракіи²⁵. Аеины получили, наконецъ, подъ давленіемъ Македоніи, тотъ строй, который пытались установить 30 тиранновъ и о которомъ мечтали круги богатыхъ гражданъ, начиная съ эпохи Каллистрата. Демосѳенъ не пережилъ гибели демократіи. Онъ вынужденъ былъ бѣжать, но когда македонскіе сыщики настигли его въ Калаврїи, на берегу Арголіды, онъ принялъ ядъ, который постоянно носилъ съ собою (въ 322 году).

Херонея, Мегалополь и Ламія составляютъ послѣдовательно моменты гибели самыхъ крупныхъ республикъ Греціи. Въ этихъ катастрофахъ обнаруживается еще разъ наглядно характеръ греческой народности и условія кантональнаго быта общинъ. Греки проявили большое упорство въ сопротивленіи варварской монархіи, но дѣйствовали врозь и не сумѣли сплотиться для этой борьбы. Союзу Аѣинъ и Фивъ въ 338 году осталась чуждой Спарта, при Мегалополѣ въ 330 г. у Спарты не было помощи Аѣинъ. Врагъ выигралъ на автономіи грековъ, которая къ концу ихъ независимаго существованія стала въ еще большей степени обособленностью общинъ другъ отъ друга. Наравнѣ съ тремя неудачными войнами 338, 330 и 322 гг. такой же катастрофой старо-греческихъ элементовъ является и вынужденная аѣинская реформа 322 года, поскольку она уничтожила знаменитую конституцію, служившую въ теченіе болѣе полутора вѣка опорой и образцомъ для демократій во всемъ греческомъ мірѣ. Незадолго до этого фактическаго крушенія республиканскихъ началъ вышло теоретическое сочиненіе, которое составляетъ какъ бы могильный памятникъ греческой общинной жизни. Это—Политика Аристотеля.

Научный институтъ Аристотеля. Ровесникъ Демосѣена, умершій въ одинъ годъ съ нимъ, Аристотель родился въ Стагирѣ на Халкидскомъ полуостровѣ и былъ сыномъ Никомаха, придворнаго врача македонскаго царя Аминты. Въ 367 г. семнадцати лѣтъ Аристотель пріѣхалъ въ Аѣины и вступилъ въ Академію Платона, гдѣ учился и работалъ около 20 лѣтъ. Безъ сомнѣнія, самый даровитый и знающій изъ учениковъ Платона, онъ, однако, сильно разошелся съ учителемъ въ общихъ воззрѣніяхъ на задачи школы, при чемъ привлекъ на свою сторону еще нѣсколькихъ выдающихся платониковъ, между ними молодого Теофраста (род. въ 372 г.), который сдѣлался его продолжателемъ. Повидимому, въ Академіи произошелъ расколъ между собственно философами, т.-е. богословами, и теоретиками чисто-научнаго направленія, во главѣ которыхъ сталъ Аристотель. По смерти Платона въ 347 году Академія избрала ему преемникомъ Спевсиппа, и Аристотель, оскорбленный этимъ выборомъ, уѣхалъ вмѣстѣ съ Кеенократомъ ко двору малоазійскаго династа Гермія въ Атарнеѣ; отсюда они оба отправились къ Филиппу въ Пеллу, гдѣ Аристотель, продолжая придворную службу своего отца, сталъ преподавать науки молодому принцу Александру.

Вскорѣ послѣ воцаренія послѣдняго, въ 335 г. Аристотель, которому совсѣмъ нечего было дѣлать въ варварской средѣ Македоніи, вернулся въ Аѣины и открылъ здѣсь свою школу въ кулуарахъ гимнастическаго помѣщенія имени Аполлона Ликейскаго; его ученики, перипатетики, собиравшіеся въ *περίπατος*, крытой галлерей гимназіи, образо-

вали кружокъ, который имѣлъ свой уставъ (*νόμος συμποτικός*), завѣлъ библіотеку и натуралистическую коллекцію; эти формы научнаго института послужили потомъ образцомъ для большого университета въ египетской Александріи. Повидимому, основной задачей ученаго кружка, во главѣ котораго стоялъ Аристотель, было собрать научно провѣренный матеріалъ во всѣхъ отрасляхъ знанія и обработать его для большой систематической Энциклопедіи. Руководитель предполагалъ ко всякой большой группѣ конкретныхъ фактовъ и свѣдѣній дать теоретическую сводную и объяснительную статью или книгу, содержаніе которой онъ предварительно излагалъ своимъ ученикамъ въ рядѣ лекцій. Такъ слѣдуетъ, можетъ быть, понимать отношеніе между Политикой Аристотеля, теоретическимъ курсомъ государственнаго права, и Политіями, т. е. описаніями конституцій греческихъ, а также нѣкоторыхъ иноплемennыхъ (напр., карагенскаго) государствъ и общинъ. Изъ Политій, которыхъ, по одному извѣстію, было всего 158, до насъ дошла Аѣинская. Она состоитъ изъ двухъ частей, исторической и систематической, къ которымъ подходятъ греческіе термины *κτίσις* и *πολιτεία*: первая (гл. 1—41) изображаетъ развитіе аѣинскаго государственнаго строя (почему-то прерывающееся на событіяхъ 403 года), а вторая (гл. 42—63) — дѣйствовавшую во времена Аристотеля конституцію Аѣинъ. Политику считаютъ составленной между 336 и 332 годами, Аѣинскую Политію — не ранѣе 329 года²⁶.

Со смертью Александра въ 323 г., когда въ Аѣинахъ началось возстаніе противъ Македоніи, положеніе Аристотеля, какъ человѣка, близкаго ко двору македонскихъ царей, стало непрочно; онъ долженъ былъ бѣжать изъ Аѣинъ на о. Эвбею, гдѣ на слѣдующій годъ скончался.

Соціально-политическія воззрѣнія Аристотеля. Несмотря на свою до извѣстной степени наслѣдственную службу у македонскихъ царей, Аристотель совсѣмъ не принадлежитъ душою монархіи. Но и его отношеніе къ греческой республиканской жизни есть скорѣе ученая симпатія, основанная на традиціяхъ, чѣмъ прямое политическое убѣжденіе. По сравненію съ Платономъ Аристотель представляетъ дальнѣйшій шагъ въ уклоненіи интеллигенціи отъ политики. Платонъ живетъ среди борьбы; горячо и пристрастно онъ оспариваетъ ненавистныя, но еще не сломленныя государственныя формы. Читая Аристотеля, точно чувствуешь по обширному политическому кладбищу или по музею, въ которомъ ученый изслѣдователь собралъ результаты своихъ долгихъ, старательныхъ археологическихъ раскопокъ. Аристотель, конечно, имѣетъ опредѣленные соціальные вкусы, но, какъ человѣкъ необыкновенно мягкій и гуманный, онъ высказываетъ ихъ въ самой умѣренной формѣ, по возможности съ какими-нибудь успокоительными ограниченіями; го-

речи и озлобленія, которыя не въ силахъ удержать всегда кипящій Платонъ, у Аристотеля нѣтъ и помину.

Въ социальныхъ симпатіяхъ Аристотеля наиболѣе замѣтно его увлеченіе срединнымъ состояніемъ гражданскаго быта (*μεσότης*). По его мнѣнію, люди, которые небогаты, но и не бѣдны, составляютъ самый спокойный элементъ въ государствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и сами могутъ себя считать наиболѣе обезпеченными. «Они не стремятся къ чужому добру, какъ бѣдняки, а другіе люди не посягаютъ на то, что этимъ среднимъ принадлежитъ; съ другой стороны, они не походятъ и на бѣдняковъ, которые стремятся къ имуществу богатыхъ. И такъ какъ никто на нихъ и они ни на кого не злоумышляютъ, то и жизнь ихъ протекаетъ безопасно»²⁷. Въ тѣхъ общинахъ, гдѣ среднезажиточныхъ мало, гдѣ преобладаютъ двѣ крайности, есть всегда опасность переворота. Напротивъ, гдѣ имѣется многочисленный средній слой, политическая жизнь получаетъ устойчивость.

Идеализація средняго класса опирается на опредѣленные традиции. Аристотелю извѣстны предшественники его теоріи; недаромъ Ферамена, организатора партіи умѣреннаго зажиточнаго гражданства, онъ считаетъ однимъ изъ умѣншихъ политиковъ Афинъ. Но къ исторически обоснованному взгляду присоединяется еще что-то личное, интимное. Изображая «среднихъ гражданъ», Аристотель не говоритъ о ихъ профессіяхъ, но зато рисуетъ складъ характера людей своего круга, т. е. интеллигенціи; очевидно, социально-хозяйственный уровень, обозначаемый терминомъ *μεσότης*, есть именно то, что нужно ученому, преподавателю; при условіи срединнаго быта наилучше устраиваются τὰ τῶν φιλοσόφων πρᾶγματα, какъ выразился Исократъ. Понятія, можно сказать, предрасудки той же среды отражаются еще въ одномъ своеобразномъ отгѣнкѣ социальныхъ характеристикъ у Аристотеля. Онъ очень пренебрежительно высказывается о классѣ ремесленниковъ и объ ихъ работѣ²⁸. Этотъ видъ труда, по его мнѣнію, принижаетъ человѣческую личность и тѣмъ, что исполняется за плату, и тѣмъ, что отнимаетъ досугъ, необходимый для развитія интеллектуальныхъ силъ чело­вѣка; поэтому Аристотелю кажется, что ремесленники не могутъ быть активными гражданами. «Идеальное государство не дастъ ремесленнику гражданскихъ правъ»²⁹.

Аристотель чуждъ всякаго увлеченія коммунистическими теоріями. Общій тонъ его социальныхъ воззрѣній—умѣренно консервативный. Онъ не раздѣляетъ взглядовъ тѣхъ просвѣтителей, которые, во имя естественнаго права, требовали уничтоженія рабства. Въ его глазахъ люди отъ природы раздѣлены на рабовъ, осужденныхъ подчиняться, и свободныхъ, призванныхъ господствовать; но онъ желалъ бы возможнаго

облегченія рабской участи и возможно частыхъ освобожденій. Ко всему Аристотель относится съ мягкимъ оптимизмомъ. Благодушно онъ вѣритъ, что государство существуетъ для того, чтобы воспитывать гражданъ къ добродѣтели, и что только добродѣтельные люди способны править государствомъ; тутъ же сквозитъ признаніе, что самому автору непонятно политическое честолюбіе и желаніе властвовать. Аристотелю вполне чужды страхи Платона, всюду усматривающаго своеволіе и порчу нравовъ; оттого у него нѣтъ ничего похожаго на систему карательныхъ мѣръ для спасенія общества. Онъ говоритъ объ однихъ воспитательныхъ и предохранительныхъ средствахъ, имѣя въ виду особенно чуткій, нѣжный возрастъ дѣтей и молодежи; такъ, напр., онъ признаетъ нежелательнымъ посѣщеніе театра юношами до 16 лѣтъ. Но ему не приходится и въ голову предлагать какія-либо мѣры стѣсненія и цензуры въ отношеніи взрослыхъ. О смертной казни, на которую такъ щедръ Платонъ, у Аристотеля нѣтъ ни звука: вѣроятно, онъ осуждалъ ее.

Аристотель, какъ изслѣдователь въ области государственнаго права. Ученый громадной эрудиціи, благожелательный, нѣсколько наивный въ житейскихъ дѣлахъ, совершенно лишенный честолюбія, Аристотель редактируетъ работы по описанію государственнаго строя и развиваетъ въ своемъ курсѣ общія положенія государственной науки. По всему складу своего характера онъ не склоненъ понимать политику, какъ «трагическую пьесу высокаго стиля». Удаленный отъ партійной борьбы и отъ политическихъ принциповъ, онъ вполне способенъ трактовать государственныя формы археологически на манеръ музейныхъ коллекцій, или натуралистически, какъ энтомологъ перебираетъ собраніе бабочекъ и жуковъ, а ботаникъ—свой гербарій, составленный за долгіе годы. Передъ нимъ громадный подборъ всевозможныхъ фактовъ политическаго быта разныхъ временъ и со всѣхъ концовъ доступнаго тогда міра. Они старательно собраны, зарегистрированы, раздѣлены по ящичкамъ и снабжены ярлычками; быстро и легко достаетъ коллекціонеръ нужные примѣры и иллюстраціи, но передъ читателемъ они проходятъ въ качествѣ засушенныхъ экземпляровъ.

Иногда систематика достигаетъ необыкновенной тщательности, но въ то же время поражаетъ своей полной бесполезностью. Такое впечатленіе производитъ подсчетъ разнообразныхъ способовъ избранія должностныхъ лицъ въ греческихъ общинахъ: когда по выбору, когда по жребію, когда изъ всего гражданства, когда изъ нѣкоторой части его и т. д. ³⁰. Аристотель насчитываетъ 27 случаевъ, а новоевропейскій издатель Политики, Зуземиль, увлекаясь обстоятельностью древняго автора, помогаетъ усвоить распредѣленіе его категорій посредствомъ

особой наглядной таблицы. Получается что-то въ родѣ Линнеевой системы раздѣленія цвѣтовъ по числу тычинокъ, лепестковъ и т. д. Но такъ какъ у Аристотеля въ этомъ отдѣлѣ нѣтъ ни одного названія, всѣ упоминаемые выборы какъ бы оставлены внѣ пространства и времени, и, слѣд., способы избранія должностныхъ не мотивируются никакими реальными условіями, то читатель долженъ остаться въ полномъ недоумѣніи: для чего, собственно, потраченъ трудъ, и какой смыслъ обстоятельныхъ перечисленій и сопровождающей ихъ таблицы?

Въ энциклопедически воспитанномъ умѣ Аристотеля есть еще одинъ дефектъ: благодаря полному отсутствію фантазіи, ученый не способенъ вдохновляться явленіями одной научной области для объясненія фактовъ, относящихся къ другой, иначе говоря, лишень возможности дѣлать широкія и плодотворныя аналогіи. Но такъ какъ онъ считаетъ сравненія необходимыми съ методологической точки зрѣнія и тянется къ установленію ихъ во что бы ни стало, то получаютъ курьезы, только лишній разъ обнаруживающіе недостатокъ у него воображенія. Читателю Политики приходится, напр., встрѣтиться съ такимъ приѣмомъ объясненія. Аристотель считаетъ возможнымъ свести всѣ государственныя формы на два главные типа, олигархическій и демократическій. Подыскивая подтвержденія для своего двойственного раздѣла, онъ неожиданно приводитъ двѣ аналогіи, одну изъ области метеорологіи, другую изъ теоріи музыки. Съ одной стороны, всѣ вѣтры могутъ быть сведены на два главныхъ теченія воздуха, сѣверный и южный, такъ какъ западный вѣтеръ близокъ къ сѣверному, восточный—къ южному. Съ другой стороны, на двѣ группы могутъ быть подѣлены всѣ музыкальныя тональности: «мы склонны сопоставлять олигархическія формы правленія, съ присущимъ имъ деспотическимъ характеромъ, съ болѣе напряженнымъ (мажорнымъ) тономъ, а демократію, съ ея болѣе свободнымъ характеромъ,—съ ослабленнымъ (минорнымъ) тономъ»³¹.

Самый блестящій отдѣлъ Политики, гдѣ ученый критическій умъ Аристотеля развертываетъ во всей силѣ,—вторая книга, дающая обзоръ проектовъ идеальнаго государства, выставленныхъ въ греческой литературѣ. Здѣсь авторъ при изложеніи теорій мастерски выдѣляетъ ихъ характерныя черты, а также остроумно указываетъ ихъ слабыя стороны. При всемъ уваженіи къ своимъ учителямъ, Платону и Сократу, Аристотель нисколько не сомнѣвается обозначить «стражей» Платоновской Политіи бездѣльниками. Раздѣленіе людей на расу господъ и расу рабочихъ его совѣмъ не трогаетъ и не кажется ему осуществленіемъ идеальнаго справедливаго порядка. Онъ видитъ въ проектѣ Платона только попытку устроить безпечальную аристократію и разбирается въ реальныхъ условіяхъ, при которыхъ осуществимъ такой строй.

«Едва ли возможно не считаться съ тѣмъ, что для только что указанной массы (гражданъ, способныхъ владѣть оружіемъ) потребуется пространство земли, въ родѣ занимаемаго Вавилономъ или другимъ какимъ-либо огромнымъ городомъ; только при такомъ условіи пять тысячъ ничего не дѣлающихъ людей, да еще, сверхъ того, принадлежащая къ нимъ безчисленная толпа женщинъ и прислуги, могла бы получить пропитаніе. Конечно (при созданіи проекта идеальнаго государства), можно предполагать по своему желанію (все, что угодно), но и въ этихъ предположеніяхъ должно все-таки не выставлять завѣдомо невыполнимаго»³². Трудно сдѣлать болѣе злое замѣчаніе по поводу мечты Платона, и нельзя быстрѣе свести воздушный замокъ Политіи на почву земныхъ несовершенствъ, которымъ она дала лишь благозвучныя имена.

Разбирая аграрный социализмъ Платона въ Законахъ, а также коммунистическій проектъ Фалея халкедонскаго, Аристотель опять дѣлаетъ остроумныя замѣчанія о томъ, что бесполезно равнять земельную собственность, разъ все остальные социальныя условія остаются неизмѣнными; по его мнѣнію, если законъ опредѣлитъ максимумъ земельного владѣнія и не регулируетъ числа дѣторожденій, то очень скоро произойдетъ полное нарушеніе установленнаго имущественнаго равенства. Между прочимъ Аристотель выставляетъ слѣдующее политико-моральное соображеніе по поводу вѣры коммунистовъ въ оздоровленіе общества. Если реформаторы считаютъ равеніе имуществъ радикальнымъ лѣкарствомъ, способнымъ устранить всякую борьбу партій и все поводы къ возстаніямъ, то они слишкомъ односторонне судятъ о мотивахъ политическихъ несогласій. Не надо думать, что съ успокоеніемъ неимущихъ и безземельныхъ, съ надѣленіемъ ихъ всею необходимымъ устранится опасность революцій. Перевоороты возникаютъ не только вслѣдствіе нужды низшихъ классовъ, но также вслѣдствіе честолюбія людей, пользующихся достаткомъ (*χαρίεντες*). И даже послѣдній мотивъ едва ли не сильнѣйшій изъ всехъ; тираномъ никто еще не сдѣлался изъ-за того, что ему было холодно и голодно; величайшія преступленія совершаются вовсе не отъ бѣдности, а скорѣе отъ ненасытной жадности людей, у которыхъ уже много богатства³³.

Система государственнаго права у Аристотеля. Въ первой книгѣ Политики Аристотель, примыкая къ социально-оптимистической теоріи Протагора, даетъ знаменитое опредѣленіе человѣка, какъ существа политическаго (*ζῷον πολιτικόν*), т.-е. естественно призваннаго къ государственному быту, какъ единственно для себя возможной формѣ существованія³⁴. Это разсужденіе о природѣ политической жизни, а также интересныя замѣчанія Аристотеля во второй книгѣ, гдѣ ему приходится разсчитываться съ ближайшими предшественниками по госу-

дарственно-правовымъ теоріямъ и гдѣ онъ даетъ характеристики соціального строенія греческихъ общинъ, заставляють ожидать въ дальнѣйшемъ столь же конкретнаго анализа политическихъ формъ. Однако послѣдующія книги приносятъ въ этомъ отношеніи разочарованіе. Эрудиція автора очень велика, его логическій анализъ ясенъ и отчетливъ, его системы тщательно разработаны, но не хватаетъ самаго главнаго, чего ожидаешь въ трактатѣ по государственному праву: политическаго чутья и пониманія. Оттого, хотя у Аристотеля собрано въ Политикѣ огромное количество примѣровъ со всѣхъ концовъ греческаго міра, но тѣмъ не менѣе у насъ не получается ничего похожего на зеркало политической жизни Греціи; передъ нами груда матеріала, но не знаніе.

Философія здѣсь служитъ плохую службу наукъ. Аристотель, отдавая дань діалектической школѣ, въ которой воспитался, загораживаетъ себѣ путь изученія постановкой цѣлаго ряда общихъ и бессодержательныхъ вопросовъ, напр.: «при какихъ обстоятельствахъ должно утверждать, что государство осталось тѣмъ же самымъ или не тѣмъ же самымъ, но инымъ?»³⁵. Или еще: «должно ли добродѣтели хорошаго человѣка и годнаго гражданина признавать тождественной или не тождественной?»³⁶. Мы невольно вспоминаемъ по этому поводу образчики тѣхъ разговоровъ Сократа, приводимыхъ Ксенофонтомъ и Платономъ, гдѣ великій мастеръ софистическаго спора показывалъ фокусы чисто-словоборческаго искусства. Эти школьныя упражненія перешли и въ трактатъ Аристотеля. Діалектическая манера сказалась и въ томъ опредѣленіи нормальныхъ политическихъ формъ и отклоненій, которое въ теченіе долгихъ вѣковъ составляло чуть ли не главную славу Аристотеля и считалось цвѣтомъ политической мудрости грековъ.

Аристотель различаетъ двѣ группы, и въ каждой изъ нихъ три формы. Къ первой группѣ правильныхъ формъ (*ὀρθαὶ πολιτεῖαι*) онъ относитъ монархію, аристократію и политію (т.-е. умѣренную демократію); ко второй группѣ, отклоненій или искаженныхъ формъ (*ἡμαρτημέναι*, или *παρεκβάσεις*), онъ относитъ тираннію, олигархію и охлократію. Различіе двухъ группъ основано на моральномъ принципѣ, который не имѣетъ ничего общаго съ государственнымъ правомъ: «когда одинъ ли человѣкъ, или немногіе, или большинство правятъ, руководясь общественной пользой, естественно, такія формы государственнаго устроенія суть формы правильныя, а тѣ формы, при которыхъ имѣются въ виду личные интересы или одного лица, или немногихъ, или большинства, суть отклоненія отъ правильныхъ»³⁷. Различеніе трехъ формъ сначала обосновывается на чисто-аритметическомъ принципѣ: правленіе одного, правленіе немногихъ, правленіе большинства. Немного дальше Аристотель спохватывается, не случайный ли онъ ввелъ признакъ

дѣленія; вдругъ бы оказалось гдѣ-либо количественное преобладаніе зажиточныхъ, развѣ можно было бы назвать такой строй демократіей? Или допустить, что гдѣ-либо правили бы бѣдные, составляя меньшинство, развѣ это была бы олигархія? И авторъ спѣшитъ исправить свое опредѣленіе; количественный признакъ—случайность; форма правленія выясняется изъ соціальнаго состава преобладающей группы; подъ олигархіей надо разумѣть господство зажиточныхъ, подъ демократіей—господство неимущихъ ³⁸.

Въ результатѣ мы имѣемъ три принципа для различенія формъ: моральный, количественный и классовый; между ними, разумѣется, нельзя устроить никакого примиренія, но авторъ не смущается отъ того, что у него получился такой монстръ. Неловкая система—явный продуктъ діалектики, самоувѣренно замкнувшейся отъ всякихъ традицій государственной-правовой школы. Если бы Аристотель болѣе довѣрился рѣчамъ политическихъ ораторовъ, посмотрѣлся бы къ терминологіи Фукидида или памфлетистовъ конца V вѣка (съ которыми онъ былъ знакомъ), онъ бы нашелъ тамъ совсѣмъ другіе оттѣнки для различенія политическихъ конституцій.

Ученый, однако, въ Аристотелѣ сильнѣе философа, и по временамъ, разбираясь въ деталяхъ, онъ даетъ нѣчто гораздо лучшее, чѣмъ общія опредѣленія. Такъ, напр., очень интересно изслѣдованіе о различныхъ видахъ монархіи: Аристотель отмѣчаетъ ея патріархальный или героическій типъ, самодержавную монархію варварскихъ народовъ, наслѣдственную стратегію въ Спартѣ, эсиметию, или выборную монархію посредниковъ въ борьбѣ классовъ. Не менѣе интересенъ анализъ различныхъ видовъ демократіи; Аристотель отмѣчаетъ, что въ извѣстныхъ демократіяхъ господствуетъ законъ, въ другихъ же верховную силу имѣютъ народныя цсефизмы ³⁹, т.-е. подходит вплотную къ различенію народныхъ республикъ съ основными законами и безъ таковыхъ. Къ сожалѣнію, изслѣдователь не даетъ этому важному опредѣленію никакого дальнѣйшаго хода; оно остается у него задвинутымъ въ массѣ мелочей. Любопытно, что при обработкѣ исторіи аѳинской конституціи (въ Аѳинской Политіи) Аристотель не примѣнилъ своихъ теоретическихъ категорій; онъ забылъ отмѣтить характерную черту реставраціи 403 г., состоявшую въ томъ, что постановленія народа были подчинены (основнымъ) законамъ, и опредѣлившую переходъ республики къ новой конституціонной формѣ.

Полная отчужденность Аристотеля отъ политики была причиною того, что нѣкоторыя важныя явленія греческой государственной жизни совсѣмъ не нашли мѣста въ его теоретическомъ сочиненіи. Такъ, напр., онъ совершенно игнорируетъ федеральное право грековъ; о союзахъ

общинъ нѣтъ ни одного слова. Далѣе онъ обходитъ молчаніемъ такой крупный политическій фактъ, какъ образование аѳинской державы со всѣми его послѣдствіями для внутренняго быта общины.

Аристотель и Аѳины. Великій энциклопедистъ всѣми обстоятельствами своей жизни былъ поставленъ въ невыгодное отношеніе къ демократіи. Его учителемъ былъ злѣйшій врагъ народоправства; самъ онъ и многіе его товарищи разошлись на службу къ династамъ и тираннамъ. При основаніи своей собственной школы въ старомъ демократическомъ центрѣ онъ нашелъ народную республику уже въ состояніи охлѣбнѣнія, близкаго къ смерти. Наконецъ, въ его характерѣ отсутствовалъ тотъ элементъ, который можно назвать политической жилкой. Но тѣмъ не менѣе у Аристотеля есть тяготѣніе къ Аѳинамъ и къ демократическимъ традиціямъ города, ставшаго «школой Эллады». Согласно консервативнымъ взглядамъ ученаго, эти симпатіи сближаютъ его лишь съ опредѣленными теченіями политической мысли Аѳинъ и болѣе всего со школой Исократы. Нельзя не замѣтить, что въ теоретическомъ курсѣ своемъ при оцѣнкѣ нормальныхъ политическихъ формъ Аристотель отдаетъ предпочтеніе политіи, т. е. устройству, въ которомъ разумно смѣшаны аристократическія и народныя черты. Между тѣмъ невольно спросишь себя, гдѣ же Аристотель видѣлъ политію? Онъ не приводитъ ни одного примѣра политіи, и пришлось бы признать описаніе этой формы за идеальный портретъ безъ оригинала, если не предположить, что Аристотель разумѣлъ подъ политіей именно Аѳины въ эпоху солоно-клисѳеновскую, которая представлялась Исократу и другимъ консерваторамъ IV вѣка временемъ наилучшаго умѣренно-демократическаго порядка. Въ свою очередь о томъ, какъ рисовалъ себя Аристотель идеальную эпоху Аѳинъ, даетъ понятіе исторической очеркъ въ Аѳинской Политіи.

Надо признать, что Аѳинская Политія Аристотеля—произведеніе слабое какъ въ исторической, такъ и въ систематической своей части. Мы уже имѣли не разъ случай разбираться въ недостаткахъ перваго отдѣла Политіи. Вслѣдствіе враждебнаго отношенія къ великой эпохѣ аѳинской державы, Аристотель лишь бѣгло проходитъ достовѣрный V вѣкъ и сосредоточиваетъ все вниманіе на проблематичныхъ явленіяхъ VI вѣка. Онъ забываетъ отмѣтить самую существенную черту въ политической эволюціи Аѳинъ, которая состояла въ томъ, что съ 477 года кантонъ превратился въ державу. Онъ не останавливается на важнѣйшей конституціонной перемѣнѣ 462 года, сводя весь демократическій переворотъ къ катастрофѣ почтеннаго въ его глазахъ Ареопага, который будто бы спасъ Аѳины отъ Ксеркса. Обстоятельно рассказавши о неудавшихся замыслахъ и проектахъ олигарховъ 411 года, онъ по-

томъ ни единымъ словомъ не упомянулъ о замѣчательномъ конституціонномъ строительствѣ реставраторовъ демократіи въ 403 году. Наконецъ, его историческій очеркъ ни въ какомъ смыслѣ не подводитъ читателя къ систематической части Полити. Исторія прерывается на 403 г., а дѣйствующая конституція описана въ томъ видѣ, какой она приблизительно имѣла въ 330 году. Историческій очеркъ идетъ по своимъ руководящимъ линиямъ, которыя въ систематической части отброшены, въ немъ разсматриваются партійныя программы и движеніе политическихъ принциповъ и не выдѣлены важнѣйшіе моменты въ судьбѣ тѣхъ учреждений, которыя потомъ изображаются въ своемъ дѣйствіи и въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ.

Въ свою очередь въ систематической части у насъ нѣтъ характеристики дѣйствующей конституціи, а есть только тщательное описаніе отдѣльныхъ учреждений безъ малѣйшей попытки опредѣлить общія политическія начала, на которыхъ была построена жизнь аѳинской общины, даже безъ особенной заботы о соблюденіи перспективы, о выдѣленіи на первое мѣсто болѣе важныхъ политическихъ моментовъ.

Систематическая часть начинается съ опредѣленія состава активнаго гражданства и объясненія порядка принятія новыхъ гражданъ; сюда примыкаетъ характеристика военной службы подрастающихъ гражданъ. Далѣе замѣчаніемъ о порядкѣ выборовъ (посредствомъ жребія или голосованія) вводится обширный отдѣлъ (гл. 43—49) о дѣятельности совѣта 500. Среди этого описанія какъ бы случайно, при перечисленіи распорядительныхъ функцій совѣта, говорится о созывѣ очередныхъ народныхъ собраній; читатель не подозреваетъ, что рѣчь зашла о верховномъ органѣ въ республикѣ. Дальше опять идетъ описаніе различныхъ функцій совѣта, и опять мимоходомъ сообщается, что совѣтъ прежде (безъ точнаго указанія хронологіи) имѣлъ право осужденія гражданъ на смерть, но утратилъ его въ пользу народныхъ судовъ. Аристотель сообщаетъ, что народное собраніе можетъ постановлять рѣшенія лишь по вопросамъ, предварительно обсуждавшимся въ совѣтѣ, но забываетъ упомянуть, что всѣ мнѣнія совѣта получаютъ силу только по утвержденіи ихъ народнымъ собраніемъ. Отдѣлъ о дѣятельности совѣта заканчивается замѣчаніемъ, недопустимымъ по своей политической наивности: «вообще, чтобы сказать коротко, совѣтъ править въ большинствѣ дѣлъ вмѣстѣ съ другими властями» (συνδιοικεῖ δὲ καὶ ταῖς ἄλλαις ἀρχαῖς) ⁴⁰.

Въ остальныхъ главахъ описанія (50—63) рѣчь идетъ о должностныхъ лицахъ, и притомъ авторъ сначала перебираетъ назначаемихъ по жребію, такъ какъ они далеко преобладаютъ количествомъ. Благодаря выдѣленію этого случайнаго признака опять и въ описаніи ма-

гистратуры нѣтъ перспективы: о стратегахъ, самой крупной должности, говорится подь конецъ и безъ малѣйшаго намека на ихъ перевѣсъ надъ остальными *ἀρχαί*. Забывши упомянуть о цѣломъ рядѣ важнѣйшихъ обстоятельствъ въ государственномъ строѣ, авторъ, однако, находитъ мѣсто для картинной подробности о клейменіи лошадей, негодныхъ къ военнымъ упражненіямъ ⁴¹.

Ничто такъ краснорѣчиво не говоритъ о паденіи политическаго интереса въ когда-то живомъ центрѣ демократіи, какъ указанная особенность описательныхъ и теоретическихъ работъ Аристотеля по государственному праву. Намъ остается только благодарить судьбу за то, что учрежденія погибавшей великой республики нашли въ его лицѣ столь добросовѣстнаго и благожелательнаго изслѣдователя. Хотя въ цѣломъ Аристотель уже не могъ усвоить гениальное твореніе афинской государственной школы, начавшейся съ Клисѣена и завершившейся авторами основныхъ законовъ 403 года, но все, что ему удалось замѣтить, онъ тщательно записалъ и сохранилъ для потомства.

¹ Діодоръ XII, 34. ² Тамъ же XIII, 103. ³ Тамъ же XVI, 8. ⁴ Плут. Демосѣ. 5. ⁵ Рѣчь Демосѣена противъ Эвбулида 31. ⁶ Исторія заключенія мира съ Филиппомъ выясняется изъ рѣчей Демосѣена и Эсхина въ большомъ процесѣ 343 г. о „лжепосольствѣ“. ⁷ Рѣчь Демосѣена о лжепосольствѣ 65. ⁸ Исокр. Филиппъ 65. ⁹ Тамъ же 50. ¹⁰ Демосѣ. о лжепос. 259. ¹¹ Плут. Тимолеонъ 23. ¹² Діод. XVI, 4. ¹³ Демосѣ. о лжепос. 135. ¹⁴ Демосѣ. о херсонесск. дѣл. 21—23. ¹⁵ Тамъ же 38. ¹⁶ Демосѣ. третья филиппика 30. ¹⁷ Тамъ же 70. ¹⁸ Плут. Демосѣ. 20. ¹⁹ (Приписываемая Демосѣену) рѣчь о договорѣ съ Александромъ 15. ²⁰ Аристот. Политика V, 8 1310b. ²¹ Плут. Демосѣ. 20. ²² Аррианъ Анабазисъ Александра III, 21, 23, 24. ²³ Діод. XVII, 63. ²⁴ О требованіи возврата эмигрантовъ мы знаемъ изъ Діод. XVIII, 8. Одновременное прибытіе указа Александра о признаніи его богомъ предполагаетъ Arn. Schäfer Demosthenes u. seine Zeit 2 Ausg. Leipzig 1885—87 III, 312, 559. ²⁵ Діод. XVIII 18. ²⁶ Проф. В. Бузескуль Введеніе въ исторію Греціи, Петроградъ 1915, стр. 141 слѣд. Его же Афинская Политія Аристотеля, Харьковъ 1895. Проф. С. А. Жебелевъ, Переводъ Политики Аристотеля, Спб. 1911, со статьей: Греческая политическая литература и „Политика“ Аристотеля. Послѣдующія цитаты изъ Политики даны по переводу проф. Жебелева. ²⁷ Арист. Политика IV, 9, 1295b. ²⁸ Тамъ же VIII, 2, 1337a. ²⁹ Тамъ же III, 3, 1277b. ³⁰ Тамъ же IV, 12, 1298b—1300a. ³¹ Тамъ же IV, 3, 1290a. ³² Тамъ же II, 3, 1265a. ³³ Тамъ же II, 4, 1266b—1267a. ³⁴ Тамъ же I, 1, 1253a. ³⁵ Тамъ же III, 1, 1276a. ³⁶ Тамъ же III, 12, 1288b. ³⁷ Тамъ же III, 5, 1279a. ³⁸ Тамъ же 1279b. ³⁹ Тамъ же IV, 3, 1292a. ⁴⁰ Арист. Аени. пол. 49. ⁴¹ Тамъ же.